

ГРЕГОР САМАРОВ

НА ТРОНЕ ВЕЛИКОГО
ДЕДА. ЖИЗНЬ И
СМЕРТЬ ПЕТРА III

История в романах

Грегор Самаров

**На троне Великого деда.
Жизнь и смерть Петра III**

«Public Domain»

ББК 84(2Рос=Рус)

Самаров Г.

На троне Великого деда. Жизнь и смерть Петра III / Г. Самаров —
«Public Domain», — (История в романах)

ISBN 978-5-486-02442-9

Под псевдонимом Грегора (Георга, Георгия) Самарова немецкий писатель Иоганн Фердинанд Мартин Оскар Мединг (1829–1903) публиковал исторические романы, пользовавшиеся в Европе и в России в XIX – начале XX века большим успехом. Будучи по службе приближенным прусского короля, он имел возможность близко ознакомиться с дипломатическим и административным миром Европы, благодаря чему и создал циклы произведений, посвященных истории европейских и Российского государств. В настоящем издании представлен роман «На троне Великого деда», повествующий о времени правления российского императора Петра III (1728–1762). Своим творчеством писатель положил начало «интимному роману» коронованных особ. Но, в отличие от позднейших эпигонских творений, его романы вторгаются в частную жизнь государей не ради любопытства, а чтобы рассмотреть механизм власти. По этим канонам и написан предлагаемый роман, содержащий нетрадиционную оценку личности Петра III, Екатерины II, семейства графов Орловых.

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-02442-9

© Самаров Г.
© Public Domain

Содержание

I	5
II	14
III	25
IV	34
V	41
VI	52
VII	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

На троне Великого деда Жизнь и смерть Петра III

I

На голштинском побережье Балтийского моря, к северу от Нейштадта, лежало дворянское поместье Нейкирхен. Красивый барский дом, окруженный старинным парком из высоких буков и лип, сверкал белизной из-за дюн. По склонам небольшой возвышенности, на четверть версты от дома, раскинулось богатое селение того же названия с церковью, остроконечная шиферная башня которой возвышалась над деревьями парка.

Было начало октября 1761 года; ясный осенний день склонялся к концу. Воздух еще насыщен теплым дыханием лета, но желтая и коричневатая окраска листвы и красновато-желтый свет заката указывали, что природа готовится к зимней спячке и ее ласковая улыбка не что иное, как прощальный привет. Солнце опустилось, последние лучи еще золотили макушки высоких буков и церковную башню; ряд окон наверху в барском доме горел, как бы залитый огнями. Зеркальная поверхность моря была спокойна и неподвижна; на краю горизонта собирались темные облака, а позади них сбоку едва виднелся восходящий серп луны. Несколько лодочек проскользнуло вдоль берега; огромные стаи ворон рыскали на берегу, отыскивая раковины, выбрасываемые легким прибоем.

По узкой тропинке через дюны, поросшие низким кустарником и морской травой, спускалась к морю девушка. Судя по ее стройной фигурке, с мягкими гибкими движениями, тонкому личику, слегка загорелому от морского ветра, она была почти еще дитя, с едва пробуждающеюся прелестью женственности. Но, видимо, и в ее юной жизни уже собирались тучи: большие голубые глаза выражали грустную покорность судьбе, вокруг свеженького рта лежала печать скорби и озабоченности. На волнистых, белокурых, ненапудренных волосах была надета серая фетровая шляпа, украшенная одним только бантом из темно-синей ленты; на плечи был накинут большой шерстяной вязаный платок. Медленными шагами направлялась она к морю. Рядом с небольшим всхолмием дюны стояла простенькая скамейка, едва скрытая ивовыми кустами. Девушка присела на эту скамейку, взор ее скользил по зеркальной поверхности моря, по пестрым кронам деревьев, мирному селению и величественному барскому дому.

Красота этой осенней картины, залитой лучами заходящего солнца, казалось, на минуту увлекла девушку; ее сердце забило сильнее, личико озарилось, но сейчас же головка опустилась, взор снова омрачился и на ресницах заблестели слезы. Чудная девушка была сама весна, но в ее глазах отражалась осень.

Но недолго она сидела одиноко, погруженная в свои мысли – на краю берега показался всадник, несшийся со стороны барского дома. Девушка увидела его еще издалека, и чуть заметный румянец покрыл ее лицо; первым порывом было поднять руки и послать ему привет, но быстрым движением она прижала их к сердцу, и губы болезненно сжались.

Всадник также, должно быть, узнал девушку; он прищпорил лошадь – и она понеслась быстрым галопом по берегу у самой воды, срывая копытами брызги пены с подкатывающихся волн.

Молодой человек этот, на красивой чистокровной лошади, был сын барона Бломштедта, владельца имения Нейкирхен. На вид ему было лет девятнадцать; его рослая фигура была еще несколько угловата, но мускулы уже окрепли и приобрели мужскую силу. Изящная осанка указывала на благородное воспитание; черты загорелого лица сохраняли еще юношескую мягкость, но проступала уже печать властности; в ласковом, кротком взгляде его темно-голубых глаз порою вспыхивал огонек необузданной страсти. На нем был темный, плотно облегающий

костюм наездника, высокие сапоги с отворотами и длинные перчатки из датской кожи. Треугольная шляпа с черным пером покрывала темно-русые волосы, причесанные и завитые по моде того времени, но легкий слой пудры, лежавший на волосах, снесло резким морским ветром.

В несколько минут всадник доскакал до девушки. Ловко соскочил с лошади, перебрисил поводья на руку и поднялся на дюны, ведя лошадь за собою.

– Добрый вечер, Дора, – воскликнул он, весь сияя, – я боялся, что не застаю тебя здесь, так как отец взял меня с собою объезжать поля, и моему Цезарю пришлось усердно потрудиться, чтобы доставить меня сюда до захода солнца. Посмотри, он весь в мыле, но, если ты скажешь ему ласковое слово, он будет так же счастлив, как я, что застал тебя.

Как бы подтверждая слова своего хозяина, лошадь прижалась красивой головой к плечу девушки, между тем как барон Бломштедт со счастливой улыбкой заглядывал в освещенное вечерним солнцем личико Доры.

– Боже мой, – произнес он, внезапно испуганный, – что с тобою? Ты грустна, на твоих глазах слезы!.. Что все это значит?

Ласковым движением, в котором сказывалась и рыцарская галантность, и братская нежность, он провел рукою по глазам девушки и смахнул слезинку.

Дора грустно посмотрела на него и сказала, улыбнувшись всем своим мягким, нежным голосом:

– Я много думала, Фриц, и многое, что в последнее время я только смутно чувствовала, стало мне ясно. Видишь ли, – продолжала она, в то время как он беспокойно и боязливо заглядывал ей в глаза, – мы выросли, мы уже не дети, которые играли на песке в дюнах и которые называли друг друга братом и сестрой, не думая о том, что между нами лежит и что разделяет. Дальше не может так быть, чтобы мы называли друг друга по имени и говорили друг другу «ты». Ты барон фон Бломштедт, и тебе предстоит занять высокое положение в свете, а я всего лишь бедная девушка... Посмотри, скоро солнце скроется, наступит ночь... скоро испарится теплое дыхание лета; поблекнут и упадут последние цветы; деревья покроются снегом. Точно так, как догорает день, как проходит лето, так промчалось наше детство; мы должны проститься со своими детскими играми, как прощаемся с летом и уходящим днем. Таков неизменный порядок вещей, таков закон природы, которому мы должны подчиниться, хотя и грустим о золотом детстве, которое было так же светло, как день, так же тепло, как цветущее лето. Вот видишь, Фриц, – сказала она, делая попытку улыбнуться, что придавало ее личику еще более страдальческое выражение, – это прощальный взгляд на наше детство вызвал слезы; теперь прошло. Вот все, что я хотела сказать тебе. Ну, а теперь дай руку! Дора и Фриц прощаются; отныне ты для меня – барон фон Бломштедт, за которого я буду молить Бога, чтобы Он послал счастья маленькому Фрицу за его верную дружбу ко мне.

Молодой барон слушал вначале с мрачным видом, затем постепенно лицо его прояснилось, стало спокойнее, в глазах блеснула решимость.

– Ты права, – сказал он наконец, – я тоже думал об этом в последние дни и много раз уже хотел поговорить с тобою. – Он потянул девушку к скамейке, сел рядом с нею, а поводья лошади прикрепил к стволу ивняка. – Ты права, мы уже не дети и не брат с сестрой, как мы называли друг друга в своих детских играх, и, по общепринятому обычаю, мы не можем дальше продолжать относиться друг к другу как брат к сестре, но, – сказал он, пожимая ее руку, – но неужели же из-за этого мы должны стать чужими и я не могу остаться твоим Фрицем, а ты моей Дорой? Неужели ты перестанешь любить меня?.. Я тебя всегда любил, а теперь люблю с каждым днем все больше и больше, и, если ты пожелаешь, мы навсегда останемся вместе... Ты будешь моя дорогая, ненаглядная, возлюбленная Дора, а я – твой Фриц! Не правда ли?

Девушка вскочила в ужасе, вырывая от него руку.

– Боже мой! – воскликнула она. – Не говори так, это преступление!.. Не отнимай у меня тихой радости воспоминаний!

– Дора, – сказал Фриц дрожащим голосом, – это твой ответ? Значит, твое чувство ко мне прошло вместе с детством? Дора, неужели ты хочешь расстаться со мной? Неужели ты не любишь меня? Я не могу поверить этому. Неужели наши детские игры, наши детские мечты, делавшие нас такими счастливыми, не могли бы осчастливить в нашей будущей жизни?

Он протянул к девушке руки, она отстранилась, смертельно побледнев при этом.

– Не говори так, Фриц! – сказала она, вся дрожа. – Мне больно думать об этом, так как это никогда-никогда не сбудется.

– Почему нет? – спросил он почти грозно.

– Потому что между нами стоит стена... Ты принадлежишь к высшему обществу, ты богат, знатен...

– Если я богат, – горячо воскликнул юноша, – то моего богатства хватит на нас обоих. И какое мне дело до того, принесет ли избранница моего сердца какие-нибудь сокровища?

– Если бы только бедность, – проговорила она дрожащими губами, – это было бы еще не так важно, но я беднее дочери самого бедного поденщика. У нищего есть его доброе имя, а на мне тяготеет позор, которым покрыли имя моего отца, что и свело с ума его, бедного. Твой отец ненавидит его, и если теперь не преследует, как раньше, то все же вся его гордость возмутилась бы при одной мысли, что ты хочешь предложить свою руку дочери презираемого им человека.

– Презренного! – воскликнул Фриц. – Разве твой отец не оправдан? Разве имя Элендсгейм не безупречно? Разве оно не стало призывом для каждого сердца, стремящегося к новой, свободной жизни?

– Нет, нет, – возразила Дора, мрачно качая головой, – это не так!.. После долгих лет заключения мой отец был выпущен на свободу бароном Ревентловым, явившимся с полномочием от великого князя; расследование дела было прекращено, однако отца освободили только как помилованного преступника, и его честь не восстановлена; к прежней должности его тоже не вернули и его невиновности не признали; его рассудок помутился от тяжести позора, тяготеющего над ним.

– Но твой отец невиновен! – воскликнул молодой человек. – Всем известно, что он пострадал несправедливо, его оклеветали пред великим князем.

– Но неправота не искуплена, – усмехнулась Дора грустно, – та клевета еще до сих пор считается правдой, и ее считает до сих пор правдой твой отец.

– А что, если я открыто выступлю против этой клеветы и, несмотря на все, предложу руку дочери оклеветанного и презренного человека? Если я, – возбужденно воскликнул молодой человек, – пойду наперекор отцу и попытаюсь осуществить эти благородные замыслы, из-за которых твоего отца оклеветали и погубили?

– Нет, никогда, – ответила Дора грустно, но решительно, непоколебимым тоном, – между нами всегда останется непреодолимая преграда.

– Значит, ты меня не любишь? – мрачно сказал юноша. – Скажи, что ты меня больше не любишь, что не можешь отвечать тому чувству, которое властно влечет меня к тебе.

– Этого я не скажу, – ответила она, слегка краснея и глядя ему в глаза с глубокой искренностью.

– Так, значит, ты любишь меня? – воскликнул Фриц, порывисто заключая девушку в объятия. – Да и не могло бы быть иначе! Невозможно! Чтобы в твоём сердце ничего не сохранилось...

– Воспоминания никогда не изгладятся в моей памяти, – возразила она, – но вместе с тем я никогда не смогу забыть, что моя жизнь связана с жизнью моего отца; никогда дочь опозоренного человека не уйдет от взоров высокомерного презрения.

Несколько минут молодой человек стоял, скрестив руки и склонив голову на грудь; затем он встрепенулся, как будто осененный внезапной решимостью.

– Хорошо! – воскликнул он. – Пусть так! Ты права, и за эти слова я полюбил бы тебя еще более, если бы то было возможно. Но все устроится. Я хочу завоевать свое счастье у судьбы, я буду бороться; ведь в старину рыцари боролись за свою любовь, побеждали чародеев и великанов, – воскликнул он с почти детским воодушевлением, – а то, что совершали они, и я смогу совершить... Так даже лучше: нельзя же требовать, чтобы без труда и усилий Небо послало мне такое сокровище, как ты, Дора!

Девушка смотрела на него с удивлением и страхом, видя его внезапную радость и необычайное возбуждение; он же схватил ее под руку, другой рукой взял поводья лошади и торопливо направился с Дорой по дороге к селу.

– Пойдем, пойдем! – сказал он. – Мы пойдем к пастору. Я хочу сообщить ему мой план, а он посоветует, как выполнить его; он был другом нашей юности, он и дальше будет нашим руководителем и помощником.

Быстрым шагом шли они через село; крестьяне почтительно кланялись сыну своего барина и смотрели на обоих с добродушным участием, нисколько не удивляясь их поспешности. Все в селе привыкли видеть молодого барона неразлучно с этой девушкой и еще не смотрели на них как на взрослых.

Молодые люди подошли к просторному церковному дому. Белые стены и окна сверкали сквозь тени старых лип, а на красной черепичной крыше отражались еще последние лучи заходящего солнца.

Пред домом на круглой площадке, окаймленной высокими липами, с несколькими простенькими грядками, на которых цвели последние осенние цветы, сидел пастор, человек лет двадцати пяти. Его серьезное ласковое лицо, спокойная, кроткая улыбка и мягкий блеск глаз указывали на посетившее его мирное счастье.

Рядом с ним на некрашеной деревянной скамейке сидела его жена. Судя по стройной фигуре и нежной коже, ей на вид можно было дать не более двадцати трех лет, но черты ее лица и большие глаза говорили о сильных жизненных бурях, пронесшихся над этой юной головкой, несмотря на то что она жила вдали от света, в этом уединенном сельском приходе. Но, что бы ни было сокрыто в душе молодой женщины, в настоящем она наслаждалась мирным счастьем. Когда она смотрела на своего мужа, в ее глазах светилось теплое, сердечное доверие, и ласковая нежная улыбка появлялась на устах, когда она смотрела на маленького трехлетнего мальчика, который в некотором отдалении занимался сооружением домика из деревянных кубиков и шумно выражал свой восторг каждый раз, когда вырастал новый ряд постройки.

В этом занятии малышу помогал старик, сидевший рядом с ним на низеньком кресле и следивший за постройкой с не меньшим вниманием. Тощая, сухая фигура старика была закутана в шубу; гладко причесанные седые волосы спускались над высоким лбом и прикрывали впалые виски; бледное лицо с крупным носом и правильными чертами указывало на могучую волю и бодрый дух; только впалые глаза сверкали из-под пушистых седых бровей каким-то дрожащим, изменчивым блеском да на бледных, тонких губах блуждала детская улыбка умалишенного.

Этот старик был Элендстейм, некогда могущественный директор управления финансами герцогства Голштинии, по распоряжению великого князя Петра Федоровича уволенный со службы и заточенный, пока велось следствие о его управлении, вызвавшем такое негодование местного дворянства. После продолжительного тюремного заключения он был выпущен на свободу, но этот тяжелый удар и чрезмерное напряжение борьбы с наветами врагов сделали его слабоумным старцем.

Его друг детства, старый священник Викман в Нейкирхене, предоставил ему и его дочери убежище в своем доме, а после смерти старого священника он остался по завещанию в наследство его зятю, пастору Вюрцу, который и окружил его всевозможными заботами.

Барон Бломштедт, хотя и принадлежал к злейшим политическим врагам Элендсгейма, не воспротивился пребыванию этого несчастного в его владениях, в доме пастора его прихода.

Молодой барон привязал лошадь к столбу у ворот пасторского садика и быстрыми шагами направился к площадке под липами, все время не выпуская руки Доры и увлекая ее за собою.

– Ну, откуда вы и что так взволновало вас? – спросил пастор, улыбаясь и ласково приветствуя их. – Нашли, вероятно, какую-нибудь раковину или цветок на дюнах, который не можете определить, и пришли ко мне за разъяснением?

– Нет, господин пастор, нет! – воскликнул Фриц, привлекая Дору ближе к скамейке. – Дело идет не о раковинах, не о цветах. Но я действительно пришел к вам, моему учителю, а также к вашей супруге за советом и помощью. Я стал большим, – горячо продолжал он, – Дора также, и она права, говоря, что мы не можем больше играть как дети; но расставаться и сделаться чужими мы не должны. Поэтому я сказал ей, чтобы она стала моей женой, и тогда мы не расстанемся никогда. Она говорит, что это невозможно, что ее любовь и жизнь принадлежат отцу, которого обидели и с которым поступили несправедливо. В этом она права. И вот тут-то мне пришла мысль, что все можно исправить и все мы можем сделаться счастливыми, если мне удастся выполнить то, что я задумал.

С испугом посмотрела пасторша на зардевшуюся девушку, работа выпала из ее дрожащих пальцев; с глубокой серьезностью посмотрел пастор в возбужденное лицо молодого человека.

– Господь с вами, что вы говорите, Фриц! – сказал он. – Вы оба еще дети. Как могут приходить вам в голову подобные мысли?

– Вчера еще мы были детьми, – заметил Фриц, – но сегодня мы уже перестали быть ими; я возмужал, я завоюю свое счастье и, наперекор всем препятствиям, буду носить на руках свою дорогую Дору всю жизнь так же, как носил ее в детстве через плетни и рвы.

Дора высвободила от него свою руку, подбежала к пасторше и со слезами на глазах заговорила:

– Я ничего не могла сделать, я ему все сказала, но он не хотел слушать меня.

– Я прошу вас, Фриц, – строго и серьезно сказал пастор, между тем как его жена обняла плачущую девушку, – обдумайте все спокойно, подумайте о вашем отце, о том несчастном старце, – сказал он, понизив голос и указывая на забавлявшегося Элендсгейма.

– Я уже подумал обо всем, – воскликнул молодой человек, – все это ничто в сравнении с моим твердым решением отвоевать мою Дору. Я поеду в Петербург, добьюсь приема у великого князя и герцога и потребую восстановления прав и чести господина Элендсгейма. Я буду требовать этого во имя священных обязанностей его величества к нашему государству. И я уверен, что мои слова найдут доступ к его сердцу... Я знаю, что этим разобью цепи, сковавшие мозг бедного, осмеянного и опозоренного человека, который желал только блага для своей родины и для своего герцога. Я сниму этот позор с Доры, и тогда она не откажется любить того, кто восстановил честь ее отца. Мой отец также не будет иметь основания противиться моему выбору; если же тем не менее он станет противиться, – сумрачно сказал молодой человек, – то я докажу ему, что достаточно силен, чтобы самому пробить себе дорогу в жизни.

Как ошеломленный, пастор провел рукою по лбу и с удивлением смотрел на молодого человека.

Дора поднялась; ее большие глаза, полные удивления, остановились на Фрице, и она заплакала, улыбаясь.

– Вы хотите отправиться в Петербург? – спросил пастор, помолчав. – Какая странная мысль!..

Он нерешительно взглянул на свою жену. Ее спокойствие сменилось мрачной сосредоточенностью; погруженная в размышление, она долго смотрела на молодых людей, которые стояли и напряженно ждали решения своей участи. Наконец она проговорила:

– Каждому сердцу придется бороться за свою любовь и тяжело добывать свое счастье, свой покой. Пусть он едет и Бог да поможет им!

– Благодарю, тысячу раз благодарю вас! – воскликнул барон, горячо пожимая руку пасторши. – Спасибо за эти слова! Ведь вы тоже нашли друг друга там, в России, почему бы и мне не привезти оттуда своего счастья? Вы знаете великого князя, вы были его друзьями, если вы дадите мне с собою несколько слов к нему, я уверен, он примет меня хорошо, если я от вашего имени представлюсь ему.

Пасторша посмотрела на него долгим, странным взглядом, затем произнесла:

– Да, я дам вам с собою письмо, так как имею право обратиться с просьбою, и если под снегом и льдом не застыли и сохранились хотя какие-нибудь человеческие чувства, то мое слово будет услышано.

– Я знал это, я знал! – воскликнул Фриц. – Что вы поможете мне, что вы одобрите мою мысль! Вот видишь, Дора, – сказал он, с восторгом заключая молодую девушку в свои объятия, – все уладится к лучшему, мы будем счастливы. Ведь немислимо, чтобы мы могли расстаться!

– Но ваш отец? – спросил пастор, задумчиво качая головой.

– Сегодня же я поговорю с ним, – ответил Фриц. – Он, наверное, не будет ничего иметь против; а если бы и так, – воскликнул он с упорной решимостью, – то я уеду против его воли. Никто не может запретить голштинскому дворянину искать справедливости у своего герцога. Я поеду тотчас же, добрые намерения не следует откладывать. Я соберусь в путь в несколько дней, а потом, дорогая Дора, никто уже не разлучит нас.

– Нет, нет! – раздался глухой голос старика. – Мой цветок красивее, он должен быть на верхушке дома... Мой цветок темно-красный и желтый, а твой едва расцвел, совсем еще зеленый!

– А я не хочу, не хочу! – горячо запротестовал мальчик. – Я положил последний камень, и мой цветок должен быть на верхушке!

Старик и мальчик старались одновременно водрузить каждый свой цветок, непрочное здание рухнуло, и мальчик принялся громко плакать.

– Мама, – закричал он, – мама, дядя разрушил мой дом... Гадкий, злой дядя!

Старик смотрел мрачно, но через минуту разразился громким, резким смехом.

– Разрушил! – воскликнул он. – Да, да, разрушил... Но почему бы мне и не разрушить, когда рушатся более прочные здания и погребают под своими обломками тех, кто, казалось, неколебимо стоял на вершине? Игрушки, все на свете – игрушки, игра случая, злобы, подлости и людской лжи... Почему это должно устоять, если все остальное рушится? Долой, все, все долой сейчас!

Тощими, сухими руками он стал разбрасывать кубики; некоторые из них покатались далеко. Ребенок в страхе прижался к матери и громко плакал, глядя на опустошение, производимое старцем.

– Милый папа, – мягко сказала Дора, подбегая, – не волнуйся, пожалуйста!.. Ты знаешь, что тебе вредно волноваться! Ты прав, – сказала она, понизив голос, чтобы ребенок не слышал, – ты прав, твой цветок красивее, давай мы снова построим дом и посадим на верхушку вот этот георгин.

Старик испуганно вздрогнул, когда Дора дотронулась до его плеча.

– Да, да, я буду хорошо вести себя, Дора, я не буду шуметь, не буду буйствовать... Ты знаешь, я охотно повинюсь тебе... Ты так добра со мною! Ты не запираешь меня, не скручиваешь мне рук этой ужасной смирительной рубашкой, ты не запираешь меня в темную клетку,

где света Божьего не видно, поэтому я охотно делаю все, чего ты требуешь от меня. Приведи сюда маленького Бернгарда, я попрошу у него прощения, снова построю ему домик и поставлю на верхушку крыши его цветок.

Старик с мольбою простер руки к дочери и смотрел на нее скорбным, умоляющим взглядом.

Мальчик услышал последние слова старика, быстро успокоился и снова поспешил к нему играть.

Дора отвернулась в сторону и залилась слезами.

Молодой барон Бломштедт подошел к старцу, положил руку на его седую голову и громко, торжественно сказал:

– Слушай, Дора! Клянусь тебе Богом, что не вернусь, пока не будет искуплена вина и снят позор с этих почтенных седин.

– О, прости, прости! – пробормотал старик, весь дрожа и отстраняясь от руки молодого человека. – Я буду спокоен и послушен, только не бейте меня, не бейте меня!

– Ты слышишь? – рыдая, воскликнула Дора. – Спаси его, спаси – и я буду принадлежать тебе, наперекор всему свету. Ты будешь моим богом.

Фриц порывисто сжал ее в объятиях и, не говоря ни слова, вскочил на лошадь и понесся через дюны к отцовскому дому.

Он застал старого барона на веранде, ведущей от дома к обширному парку, примыкавшему к просторным английским лужайкам, которые окружали барский дом.

Солнце село, холодный ветер с моря гнал волны, ложившиеся по берегу прихотливыми белыми кружевами.

Барон Бломштедт был высокий, сильный мужчина, с резкими, строгими чертами и ясным, холодным, в душу проникающим взором; тщательно причесанный и напудренный, сдержанный в своих манерах и движениях, он вопросительно посмотрел на сына, когда тот, сдав лошадь на конюшню, стремглав взбежал на веранду, возбужденный и раскрасневшийся от быстрой скачки.

– Ты был у пастора? – спросил он сына.

Молодой человек ответил утвердительно, открыто и прямо глядя в лицо отца, однако с трудом преодолевая некоторый страх, который чувствовал к отцу с самого детства.

– Это естественно и похвально, – сказал барон, – что ты навещаешь пастора, он твой бывший учитель и хороший, скромный, добродетельный человек, один из тех, каких не много. Но ты уже не дитя. В доме пастора Вюрца живет Элендсгейм, человек, который осмелился посягнуть на исконные права голштинского дворянства, который вследствие своего бессовестного управления был привлечен к суду и только потому освобожден из тюрьмы, что потерял разум. В детстве ты играл с дочерью этого изменника, и я, конечно, не хочу ставить бедной девушке в вину деяния ее отца, но ты уже не мальчик, и не годится, чтобы мой сын, барон Бломштедт, находился в дружественных отношениях с дочерью человека, который был злейшим врагом дворянства и которого герцог по праву лишил его звания. Это могло бы быть ложно истолковано. Наконец, – прибавил он с ударением, – могут возникнуть более близкие отношения между вами... Поэтому я желаю, чтобы ты прекратил свои посещения, не обижая этим пастора Вюрца, которого я глубоко уважаю и которому ты отчасти обязан своим образованием.

Грудь Фрица сильно вздымалась, руки сжимались в кулаки, пылающий взор устремился на отца, с его уст готово было сорваться резкое, необдуманное слово.

Барон стал пред ним скрестив руки; видно было, что он ожидает сопротивления, но так же решительно и бесповоротно решил его сломить. Молодой человек не сказал ни слова, его лицо снова приняло спокойное выражение, он стал сдержан и почтителен.

– Отец, я пришел к тебе с просьбой, – начал он.

– Я слушаю тебя, – сказал барон.

– Ты прав, отец, я уже не дитя, – продолжал молодой человек, – и мне кажется, что мне не подобает слоняться без всяких занятий здесь по полям и лесам, где я не в состоянии познакомиться со светом, в котором ты, отец, вращался в своей молодости и о котором у тебя сохранилось так много интересных воспоминаний.

Старый барон таких речей не ожидал.

– В нашей стране нет двора, – продолжал сын, – где бы молодой человек мог усвоить обычаи высшего света, столь необходимые для каждого дворянина. Поэтому я хотел просить у тебя позволения отправиться в Петербург, там представиться великому князю, нашему герцогу, и у него, при дворе, познакомиться с великосветской жизнью.

Старый барон посмотрел на сына испытующим взглядом. Эта просьба несколько удивила его, но не вызвала ни тени неудовольствия. Заложив руки за спину, он стал ходить по веранде спокойными, размеренными шагами. У него было обыкновение никогда не отвечать сразу на вопросы или просьбы своих детей, так как раз сказанное слово или данное обещание исполнялось им неуклонно. Наконец он остановился перед сыном и сказал ясным и твердым голосом:

– Я не отношусь отрицательно к твоей просьбе. Конечно, если бы в нашей стране был двор, я отправил бы тебя туда, но, к сожалению, наш герцог стал наследником русского престола. Я лично не люблю петербургского двора: там ведется много интриг. Однако, быть может, это и хорошо, что явится туда безупречный дворянин из почтенного дома. Даю тебе мое согласие, и, как только будут окончены все сборы в дорогу, ты можешь ехать.

Молодой человек даже не ожидал получить так быстро согласие, он поспешно подошел к отцу и горячо поцеловал его руку.

Старый барон холодно отстранил его и, когда слуга доложил, что ужинать подано, вошел в дом, уже освещенный вечерними огнями.

Баронесса была тиха и благородна, с мягкими, вялыми манерами, свойственными почти всем дамам северогерманского дворянства. Она испугалась, когда узнала, что ее единственный сын пускается в такой дальний путь и будет находиться при соблазнительном и опасном дворе императрицы Елизаветы Петровны¹, но она слишком привыкла подчиняться без противоречия воле своего супруга и слишком была проникнута сознанием необходимости достойного воспитания сына, поэтому она согласилась тоже, и сейчас же было решено приступить к экипировке и сборам в дорогу.

В тот же вечер всем слугам уже было известно, что молодой барин скоро уезжает в Петербург, ко двору великого князя, их герцога, и двое надежных, испытанных лейб-егерей барона, назначенных сопровождать молодого барина, стали предметом зависти всех прочих домочадцев.

Не прошло и двух недель, как все приготовления были окончены и барон определил день отъезда своего сына. В течение этого времени Фриц заходил в церковный дом лишь на очень короткое время и за день до отъезда зашел только на четверть часа, чтобы проститься.

Пасторша отозвала в сторону молодого человека.

– Вот вам, – сказала она, подавая запечатанный конверт, – письмо к нашей герцогине, великой княгине Екатерине Алексеевне². Храните это письмо как талисман и воспользуйтесь им только в крайнем случае, когда не будет другого пути для достижения вашей цели. Если

¹ **Елизавета** Петровна (1709–1761) была привенчанной, то есть родившейся до брака Петра I и Екатерины I в 1712 г., дочерью, отсюда контрдоводы сторонников линии Романовых «Иоанновичей», считавших ее незаконной наследницей престола.

² **Екатерина Алексеевна** – Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская (1729–1796). Отец ее, принц Христиан Август Ангальт-Цербстский, один из мелких немецких герцогов, состоял на прусской службе и был комендантом, а потом генерал-губернатором Штеттина. Мать, Иоганна Елизавета, принадлежала к роду голштинских герцогов. Екатерина и Петр III были троюродными братом и сестрой.

письмо вам не понадобится, то возвратите мне его нераспечатанным, а если воспользуетесь, то пусть оно вам послужит к добру.

С благоговением взял Фриц письмо, в котором сокрыта была чудодейственная сила, и спрятал его в боковой карман. Затем еще раз обнял Дору, пастор возложил на него руки и благословил в путь, а старый Элендсгейм улыбнулся ему на прощанье блуждающей улыбкой. Молодой человек вскочил на лошадь и помчался обратно к барскому дому; наутро он должен был отправиться в путь.

II

В половине декабря 1761 года Петербург представлял такую же оживленную, богатую красками картину, как и ежегодно в эти дни пред Рождеством. Зимняя ярмарка, на которую привозили продукты труда из всех местностей России, была расположена на льду Невы, а возле лавок и столов продавцов возвышались искусственно сооруженные ледяные горы и катки – эти особенно любимые удовольствия русского человека.

Петербургжцы шумно и радостно двигались взад и вперед по широкой ледяной улице, то спускаясь с горы на маленьких саночках, то собираясь для веселой беседы вокруг кипящего самовара в чайных лавках, то ища тепла и подкрепления в наскоро построенных домиках для продажи водки.

Среди оживленно двигавшейся пестрой толпы попадались быстро мчавшиеся экипажи знатных особ; здесь можно было встретить красивые санки для одного или двух седоков, запряженные тройкой, великолепные кареты с большими зеркальными окнами и богатой позолотой, поставленные на полозья и запряженные четверкой, а иногда шестеркой лошадей при пикерах³ и шталмейстерах⁴; но седоки и этих блестящих экипажей не стыдились выходить в том или другом месте и в толпе крестьян и мещан принимать участие в общем народном веселье. Невозможно было представить себе нечто более радостное и оживленное, чем это гулянье на льду реки, на котором одинаково веселилось все население, и можно было думать, что вся Россия, и в особенности Петербург, переживает самые счастливые и беспечальные времена. Тем не менее высшее общество, принимавшее такое живое участие в народных увеселениях, было в крайней тревоге; существовала тайна, которую все заботливо скрывали и которую все-таки каждый знал, а именно, что здоровье императрицы Елизаветы Петровны ежедневно ухудшалось и что почти каждый час можно было ожидать наступления рокового кризиса для повелительницы обширного государства.

Однако при дворе уже давно не было такого блеска и такого оживления, как именно теперь. Каждый день приносил новые празднества, каждый вечер окна Зимнего дворца сияли огнями, придворное общество собиралось в залах на любимые императрицею маскарады или на театральные представления, в которых директор труппы Волков⁵ со своими актерами разыгрывал пьесы бригадира-поэта Сумарокова⁶, или переводы мольеровских комедий, или пантомимы-балеты в самой блестящей постановке. На каждом празднестве императрица появлялась пред собравшимся двором роскошно одетая, вся блистая бриллиантами, но в то же время было ясно видно, какие губительные успехи делала болезнь в своем разрушительном ходе: все глубже вваливались щеки государыни, все лихорадочнее горели ее впавшие глаза, все острее и строже становились черты ее лица под влиянием скрываемого страдания. На каждом празднестве придворные радостно сообщали друг другу о том, что императрица все здоровеет и молодеет, но вместе с тем в душе все отлично понимали, что дни ее жизни и правления сочтены. Вследствие этого взоры всех были обращены на будущее, которое по существующему праву должно было принадлежать великому князю и наследнику престола Петру Федоровичу. Но императрица еще держала скипетр в своих руках, она еще имела власть. Вследствие этого каж-

³ Пикер – псарь, вожатый гончих.

⁴ Шталмейстер – придворный чин третьего класса, заведовал царскими конюшнями.

⁵ Волков Федор Алексеевич – имеется в виду Волков Федор Григорьевич (1729–1763), русский актер, основоположник первого русского профессионального театра, в Петербурге, в 1756 г. Играл в трагедиях Сумарокова.

⁶ Сумароков Александр Петрович (1717–1777) – русский писатель, видный представитель классицизма. В трагедиях «Хорев» (1747), «Синав и Трувор» (1750) ставил проблемы гражданского долга.

дый боязливо сохранял величайшую осторожность, чтобы не возбудить подозрения в том, что его взоры помимо царского трона направлены на того, кто вскоре должен на него вступить.

К тому же и последнее также не было бесспорным. Закон Петра Великого, который со смерти этого могущественного основателя новой русской монархии оставался неприкосновенным, давал каждому государю право, невзирая на династическое родство, свободно назначать себе наследника. Так, Екатерина I, в жилах которой не текла ни русская, ни княжеская кровь, на основании этого закона и завещания своего супруга, вступила на всероссийский престол.

Хотя великий князь Петр Федорович и был законным образом признан наследником престола, все же императрица в последние часы своей жизни могла распорядиться иначе, и было вовсе не так невероятно, чтобы она не имела подобных мыслей, тем более что ей не пришлось бы искать своего преемника вне пределов династии Петра Великого. Ведь еще был жив несчастный Иоанн Антонович⁷, который год императорствовал в колыбели. Но еще более возможным казалось назначение наследником молодого великого князя Павла, которого Елизавета Петровна всегда держала при себе и к которому питала необыкновенную нежность; к тому же при этом не пришлось бы делать никаких изменений в прямом престолонаследии, а надо было только потребовать от Петра Федоровича его личного отречения от престола. При таком решении императрица могла рассчитывать не только на поддержку влиятельных вельмож, но и на армию, и на духовенство – эти два оплота русского народа, так как великий князь из-за своего преклонения пред прусским военным искусством не был любим солдатами, а духовенство подозревало его в склонности к лютеранской вере и обвиняло его в том, что он только внешним образом исполняет обряды православной Церкви.

Мысль о подобном разрешении вопроса казалась пугливо настроенному обществу еще более правдоподобной потому, что государыня отдала строгий приказ докладывать ей о всех лицах, желавших представиться великому князю, после чего она сама решала, могут ли те быть допущены или нет. Сам великий князь и его супруга должны были испрашивать разрешения у государыни, если хотели, даже для простой прогулки, выехать из Зимнего дворца. Пред помещением великокняжеской четы стоял усиленный почетный караул, и командующий им офицер со всей почтительностью, но весьма решительно потребовал однажды от великого князя указания на разрешение императрицы, когда он хотел покинуть свои комнаты.

Наследник престола и его супруга, собственно, жили в Зимнем дворце как пленники, хотя аккуратно появлялись со своей маленькой свитой на всех придворных празднествах; на торжественных обедах они также занимали свои почетные места около императрицы, но последняя, казалось, едва замечала их и каждый раз приветствовала холодным, официальным поклоном, в котором выражалось столько же высокомерного презрения, сколько антипатии и отвращения, так что никто из придворных в присутствии императрицы не решался иначе выразить свое отношение к великокняжеской чете, как только немым, официальным поклоном в их сторону.

Весьма естественно, что все придворное общество находилось в постоянно возрастающей тревоге, которая передавалась и другим классам столичного населения, так как от вопроса о будущем наследнике, при неограниченном правлении русских монархов, всецело зависело и благосостояние каждого отдельного лица. Но и в народе никто не осмеливался говорить об отношениях при дворе, о предположениях в будущем и даже о состоянии здоровья императрицы, так как еще ужаснее, чем когда-либо, над всей столицей, над всей страной, вплоть до провинциальных городов, местечек и сел, тяготел страшный гнет всюду проникавшей, все слышавшей, все опутывавшей Тайной канцелярии⁸, во главе которой был граф Александр Ива-

⁷ **Иоанн Антонович** – Иван VI (1740–1764), наследник престола по линии Романовых «Иоанновичей». Он являлся правнуком царя Ивана, соправителя малолетнего Петра в 1682–1689 гг. Мать его, Анна Леопольдовна, – дочь Екатерины Ивановны и племянница Анны Иоанновны, была выдана за герцога Антона Ульриха Брауншвейгского.

⁸ **Тайная канцелярия** – существовала в 1718–1726 гг., связана с расследованием дела царевича Алексея Петровича. С

нович Шувалов⁹. Казалось, что правительство стремилось вырвать с корнем всякое сомнение в своей прочности и долговечности усиленной деятельностью и беспощадной жестокостью. Часто совершенно невинные лица из-за выраженного любопытства или интереса к болезни императрицы были схватываемы и после тайного суда отправляемы ночью в Сибирь.

В это время всеобщей неуверенности и тревожного беспокойства в столицу, по внешности кипевшую полным радостным оживлением, прибыл молодой барон фон Бломштедт. Молодой человек, обладавший большими средствами, приехал в сопровождении камердинера и трех лакеев в удобной дорожной карете и остановился, после просмотра его документов, в элегантной, снабженной всеми европейскими удобствами гостинице на Невском проспекте.

После того как он занял помещение, соответствующее его положению и богатству, он освежил свой туалет, подкрепил себя после дороги прекрасным обедом, приготовленным по всем правилам французской кухни, а затем велел служившему ему лакею попросить хозяина.

С того дня, как он покинул отцовский дом и своих друзей в Нейкирхене, Фриц сильно изменился. На родине он был еще почти ребенком и жил в зависимости от воли не терпевшего возражений отца. Во время пути, в который гордый барон отправился с подобающим его имени блеском, он стал чувствовать свою самостоятельность. Он поехал через Берлин, где, благодаря своим родственным связям, был принят с распростертыми объятиями при дворе и в высших слоях общества. Побуждаемый к продолжению пути священной обязанностью, взятой им на себя, и страстным желанием возможно скорее вернуться к любимой Доре с известием о спасенной чести ее несчастного отца, Бломштедт покинул Берлин, где он в первый раз увидел большой свет, в первый раз независимо и самостоятельно вступил в общество, ощущая в себе перемену чувств и воззрений. В его душе поселилось гордое сознание своего достоинства, а вместе с тем столь присущая юности сильная жажда одурманивающих жизненных наслаждений. Затем он прожил некоторое время, по приказанию своего отца, в курляндской столице Митаве, и хотя там, вследствие отсутствия герцога, и не было придворной жизни, он все же был прекрасно принят богатым, гордым, любившим пышную жизнь курляндским дворянством. В честь него давали блестящие празднества; члены различных политических партий, ввиду его поездки к великому князю, который, быть может, в скором времени, вступив на престол, мог иметь решающее влияние на судьбу их герцогства, придавали Бломштедту даже такое большое значение, что проснувшееся в нем самосознание пробудило в нем первые проблески честолюбия. Неопределенные мечты наполняли его душу. У его герцога, к которому он ехал теперь, быть может, в скором времени будут сосредоточены в руках все нити судьбы европейских народов; невольно его сердце трепетало от гордой жажды сыграть в этом великом деле и свою маленькую роль.

Все эти еще полужасные, но уже сильные ощущения изобразились на лице молодого барона, когда он, гордо поднявшись, принял смиренно вошедшего в комнату хозяина гостиницы.

Последний был человеком лет за шестьдесят, с белоснежными волосами и бородой, но еще ясными, живыми глазами; на нем был костюм состоятельного мещанина: кафтан с меховой опушкой, шаровары и высокие сапоги, хотя его манера держать себя свидетельствовала о знакомстве с европейскими обычаями.

Барон фон Бломштедт учтиво-снисходительно поклонился этому человеку, окинувшему его внимательным взглядом, и сказал:

1731 по 1762 г. существовала Тайная розыскных дел канцелярия. При Екатерине II переименована в Тайную экспедицию при Сенате (1762–1801).

⁹ Шувалов Александр Иванович (1710–1771) – граф, генерал-фельдмаршал (с 1760 года). Двоюродный брат И. И. Шувалова. Участник дворцового переворота 1741 г. С 1746 по 1763 г. – начальник Тайной канцелярии.

– Я желаю сделать визит господину Стамбке, голштинскому министру его императорского высочества; не можете ли вы достать мне для этой цели карету или – еще лучше – сани, – добавил он, – так как, мне кажется, только на них можно ездить по улицам Петербурга.

Внимательный взгляд хозяина сменился почти сострадательным выражением на его лице.

– Вот что, господин барон, – сказал он с некоторым колебанием на языке барона, – если вы желаете посетить господина Стамбке, то вы, без сомнения, что я уже заключил по вашему имени, приехали из Голштинии, быть может, по важному делу к нашему всемилостивейшему великому князю?

– Да, приехал из Голштинии, – высокомерно возразил молодой человек, – а дело, которое привело меня сюда, я изложу своему всемилостивейшему герцогу, которого я желаю известить о своем прибытии через господина Стамбке.

Хозяин гостиницы быстро сделал несколько шагов вперед, приблизился к молодому барону и, робко оглядываясь кругом, сказал тихим голосом:

– Говорите тише, господин барон! Предо мной вам, конечно, нечего остерегаться, но я сам в своем доме не могу отвечать ни за своих людей, ни за свои стены. Что касается меня, – продолжал он, причем барон фон Бломштедт совершенно испуганно посмотрел на него, – то должен признаться, что я люблю ваших соотечественников. Вы, может быть, слышали о Михаиле Петровиче Евреинове, дочь которого вышла замуж за господина фон Ревентлова, дворянина из Голштинии, и поехала с ним в его отечество?

– Действительно, я припоминаю, – ответил пораженный молодой человек, – что фон Ревентлов, назначенный герцогом в верхнюю правительственную коллегия, привез с собою из России красавицу жену и что об этом было очень много разговоров; я в то время был еще очень юн и не мог знать подробности; весьма вероятно, что и эта фамилия, если я ее слышал, была мной позабыта.

– В таком случае, – сказал хозяин гостиницы, – все же примите мои услуги и мой совет, так как вы – соотечественник того человека, которого так любит моя единственная дочь и которую он делает счастливой, что я, с благодарностью Богу, должен признать. Я сам мечтаю, когда мои силы, уже начинающие убывать, иссякнут окончательно, переселиться в ваше отечество и там, пользуясь плодами своих трудов, в мире и покое дожить остаток жизни среди своих детей. Вы не знаете, – продолжал он, – что значит для иностранца приблизиться к русскому двору. Ваш соотечественник, господин фон Ревентлов, испытал это, а теперь это еще хуже, чем было тогда; по нынешним временам такой неожиданный визит к господину Стамбке, какой предположили сделать вы, повергнул бы вас в бесконечные затруднения и в серьезную опасность.

– Визит к министру моего герцога? – спросил барон. – Который в будущем, быть может скоро, станет русским императором?

Евреинов побледнел и, забыв всякую почтительность, закрыл рукой рот молодому человеку.

– Замолчите, барон, ради бога, замолчите! Такое слово может привести нас к дороге в Сибирь: вас – потому что вы его произнесли, а меня – потому что я его слышал. – Он приложился ртом к самому уху молодого человека и заговорил так тихо, что даже стоявший совсем близко не мог бы расслышать его. – Великий князь, ваш герцог, – пленник в Зимнем дворце. Хотя господин Стамбке и носит титул голштинского министра, но он должен обо всех делах Голштинии докладывать статс-секретарю Глебову¹⁰, и только после распоряжения последнего им дается ход. Что касается того, будет ли великий князь русским императором, то об этом ничего не может знать никто, кроме всемогущего Бога, пред которым открыто будущее.

¹⁰ **Глебов**, статс-секретарь – речь идет о Глебове А. И. (1722–1790), обер-прокуроре Сената в правление Петра III и Екатерины II.

Барон фон Бломштедт, в свою очередь, побледнел и пристально посмотрел на хозяина гостиницы, словно услышал нечто такое, что отказывался понять его разум.

– Великий князь в плену? – пробормотал он, по знаку Евреинова понижая свой голос до шепота. – Государственные дела герцогства голштинского в руках русского? Неужели это возможно? Какое право имеет на это государыня императрица?

– Кто может ограничивать право могущественной повелительницы обширного государства, границы которого теряются в неизмеримом пространстве? – ответил Евреинов. – Она так желает, а кто противится ее желанию – тот пропадает с глаз.

Барон, который все еще не мог понять, что слышал, спросил:

– Но какая же опасность может угрожать мне, если я отправлюсь с визитом к министру своего герцога? Ведь это даже моя обязанность, раз я прибыл в Петербург.

– Какая опасность? – сказал Евреинов. – При входе в комнату господина Стамбке вас схватят, так как его дверь сторожат так же, как и великокняжескую; вас выставят агентом какой-нибудь политической партии, быть может, даже иностранного кабинета, а так как вы приехали из Германии, то, весьма вероятно, и за агента прусского короля – ненавистного врага государыни; вас предадут тайному суду, а затем, в благоприятном случае, в кибитке, под конвоем казаков, переправят через границу. Но если ваши ответы покажутся недостаточно ясными или возбудят малейшее подозрение, то вы исчезнете в далеких снегах Сибири, где замолк уже не один человеческий голос.

У барона Бломштедта бессильно опустили руки, и он сначала не мог найти ответ. Мрачные взоры старика и его глухой голос, звучавший как зловещее предостережение, произвели на него еще большее впечатление, чем смысл слов, которые он все еще не мог себе уяснить.

– Но что же мне делать? – сказал он наконец неуверенным тоном. – Ведь я не могу уехать обратно и вернуться домой, – добавил он с усмешкой.

– Вы и не могли бы сделать это, барон, – сказал Евреинов. – Правда, не легко проникнуть в Россию, но еще гораздо труднее снова выбраться из нее через границы, и в особенности для вас, приехавшего из Голштинии и намеревающегося представиться великому князю.

– Но, боже мой, что же мне делать? Что же мне делать? – воскликнул фон Бломштедт, причем у него было такое лицо, словно он уже слышал позади себя шаги сыщиков.

– Хотите последовать моему совету? – спросил Евреинов.

– Конечно, – ответил Бломштедт, – ведь я сам ничего не могу себе посоветовать.

– Итак, слушайте! Прежде всего вы должны отказаться от всякого намека на политическую цель своего приезда; вследствие этого вы не должны пытаться видеть господина Стамбке, так как уже одна эта попытка могла бы быть представлена императрице как опасный и наказуемый заговор. Раз вы уже здесь, ваше прибытие, несомненно, известно графу Александру Ивановичу Шувалову; значит, остается только придать вашему приезду возможно невинную цель. Если вы хотите следовать моему совету, то напишите сейчас же письмо великому князю, скажите ему, что вы приехали, как это приличествует хорошему дворянину и верноподданному, чтобы выразить герцогу свои верноподданнические чувства, и поэтому вы просите его императорское высочество милостиво разрешить вам аудиенцию. Это письмо пошлите сейчас же со своим лакеем в Зимний дворец.

– И чего же я достигну этим? – спросил молодой барон.

– Стража примет письмо, – ответил Евреинов, – и, без сомнения, тотчас же перешлет его начальнику Тайной канцелярии.

– Но тогда я погибну, если все случится, как вы говорите, – воскликнул фон Бломштедт.

– Нет, – сказал Евреинов. – Из того, что вы так непосредственно и без малейшей таинственности обратитесь к самому великому князю, заключат, что ваш приезд не имеет никакой политической цели; вам – а это главное для вашей личной безопасности – не будут придавать никакого значения и, в крайнем случае, с большей или меньшей бесцеремонностью, постара-

ются выпроводить за границу. Если вас признают за окончательно безвредного человека, вас, быть может, и в самом деле допустят выразить свои верноподданнические чувства великому князю, но во всяком случае вы избежите опасного преследования и угрожающей вам ссылки в Сибирь.

– Хорошо, – заметил барон после короткого размышления. – Я поступлю по вашему совету... Во всяком случае, из моей просьбы об аудиенции у моего государя не могут же сделать преступление!

Он открыл элегантный дорожный несессер и написал на бумаге со своим гербом короткое прошение о милостивом разрешении аудиенции, адресуя его на имя его императорского высочества великого князя всероссийского и герцога голштинского, а затем отправил это послание с одним из своих лакеев в Зимний дворец.

– А теперь, – сказал Евреинов, когда его совет был исполнен, – вам еще остается изобразить из себя путешественника, который ищет лишь развлечений и удовольствий; не забывайте, что за вами зорко наблюдают, и я сам, если меня будут расспрашивать о вас – а это случится без сомнения, – должен дать отчет о всех ваших действиях и словах. Быть может, вы могли бы в сопровождении одного из моих гидов для иностранцев посетить рождественский базар или познакомиться с достопримечательностями города, или, – сказал он, как бы озаренный внезапной счастливой мыслью, – еще лучше: в одном из залов моего ресторана любит собираться группа актеров ее императорского величества, находящаяся под управлением господина Волкова. Правда, трагики и комики все русские и с ними вы едва ли могли бы разговаривать, но при балете и опере есть француженки и немки, и, поверьте мне, чем усерднее вы будете ухаживать за ними, тем менее на вас падет подозрение, что вы причастны к какой бы то ни было политической интриге. Пойдемте со мной вниз; артисты только что пообедали, и вы легко завяжете знакомство с ними.

Молодой барон не сопротивлялся; немного покрасневший и слегка взволнованный, он последовал за хозяином гостиницы.

Во время своей жизни в замке Нейкирхен Фрицу мало приходилось возвращаться в обществе, если не считать тех чопорных обедов и ужинов, которые его отец давал соседним помещикам. Даже и во время его поездки ему всегда приходилось бывать только в высших кругах. Мысль очутиться вдруг в веселой, непринужденной компании актеров казалась ему почти страшной, но все-таки при предложении Евреинова он снова почувствовал, что все его существо охватила жгучая жажда новизны; ему казалось, что сказочный мир готов раскрыться пред ним.

Пройдя со своим гостем широкий, довольно длинный коридор, Евреинов открыл одну из последних дверей и ввел фон Бломштедта в большое помещение, ярко освещенное громадной люстрой с бесчисленным количеством свечей. Под этой люстрой стоял элегантно сервированный стол, на котором находились еще блюда с десертом и многочисленные хрустальные графины с остатками различных сортов красного и белого вина. У стен стояли широкие диваны, удобные кресла и маленькие столы, что позволяло обществу по окончании обеда собираться маленькими группами для дружеской беседы.

В этом зале было приблизительно от тридцати до сорока мужчин и дам, и все они в своих более или менее элегантных костюмах представляли собой тот оригинальный тип, который присущ всем артистам, и в особенности актерам, во всех странах мира. Отдельные лица еще сидели за столом; некоторые оживленно разговаривали и жестикулировали, другие в тихом раздумье, серьезно и торжественно, маленькими глотками допивали свой последний стакан вина. Остальные ходили взад и вперед, тихо разговаривая, а самые юные члены труппы сбились в маленькие группки для дружеской болтовни.

Однако, несмотря на ярко освещенный зал и богато сервированный стол, а также на непринужденность обращения всего общества, между присутствующими замечалось какое-

то унылое настроение; мужчины более зрелого возраста, игравшие королей, отцов и злодеев, смотрели так мрачно, словно стремились перенести и сюда те чувства, которые должны были волновать их на подмостках; наоборот, молодые, игравшие героев и любовников, не давали себе никакого труда удержать на лицах то идеальное выражение, которым они достигали своего успеха на сцене, и своими равнодушными взорами и манерами, исключая всякую пластику, очень мало походили на тех пылких и благородных героев, изображениями которых они часто вызывали восхищение придворных дам. Старые актрисы, как бы подчиняясь судьбе, мирно сидели и занимались истреблением сластей, в изобилии доставленных из кладовой Евреинова, причем словно старались, чтобы тарелки были унесены возможно более чистыми. Молодые актрисы, все красивые или привлекательные, лежали в порядочно-таки непринужденных позах на креслах и диванах, своим скучающим видом давая понять, что они очень недовольны невниманием.

Когда хозяин гостиницы вошел в зал в сопровождении молодого, красивого, нарядного кавалера, все манеры которого, несмотря на некоторую неуверенность и смущенность, отличали молодого человека знатного происхождения, все общество вдруг оживилось, подобно тому как после долгого затишья свежий ветерок снова приводит в движение уснувшую зеркальную поверхность моря. Лица королей, отцов и злодеев преисполнились еще большей важности, большей мрачности и большей таинственности; герои и любовники придали более пластичности своим жестам, а своим чертам – более идеальное выражение; молодые актрисы небрежно поднялись со своих мест, и их с любопытством устремленные глаза оживленно заблестели, а губы складывались в нежную, томную, гордую или вызывающую улыбку, смотря по тому, какое выражение они считали действенным, чтобы разжечь запас огня, скрывающийся в мужском сердце.

– Господа, – обратился к присутствующим Евреинов на французском языке, который должны были понимать все актеры, так как иногда вместе с русскими пьесами ими при дворе разыгрывались также комедии Мольера, драмы Корнеля и Расина на языке их авторов. – Позвольте представить вам молодого кавалера, барона фон Бломштедта, который предпринял путешествие, чтобы поучиться и развлечься, я убежден, что он нигде не может достигнуть лучше той и другой цели, как в вашем обществе; проводя время с вами, он увидит, что здесь, в нашей русской столице, и под снегом и льдом цветет веселая, радостная жизнь. Я поручаю барона вашему благосклонному участию, в особенности вниманию тех прекрасных дам, рыцарскому служению которым он готов себя посвятить.

Все общество встало, чтобы приветствовать таким образом рекомендованного гостя. Мужчины и пожилые актрисы поклонились ему в духе исполняемых ими ролей, а молодые приветствовали его отчасти с дружеской сердечностью, отчасти с кокетливой сдержанностью, смотря по тому, в каком жанре они чувствовали себя сильнее. Бломштедт ответил немного чопорным и неловким поклоном, который тем не менее указывал на его принадлежность к лучшему обществу, настроив в его пользу молодых дам и возбудив в них сильное желание сделаться руководительницами этого красивого, богатого молодого человека при его первых опытах в области любви и ухаживаний.

Одна из актрис, сидевшая в темном углу на диване, быстро встала и подошла к барону. Она была стройна, но в то же время имела пышную фигуру и, в отличие от других, одетых по французской моде, носила русский костюм, который особенно шел к ее красивой грациозной фигуре. Короткая юбка из темно-синего шелка обнаруживала ее ноги, обутые в хорошенькие полусапожки из красной кожи, обшитый мехом шушун¹¹ придерживался у талии серебряным кушаком, широкие рукава раскрывались на локтях, оставляя обнаженными прекрасные руки, нежная белизна которых соперничала с белым шелком подкладки. Браслеты с драгоценными

¹¹ Шушун – старинная русская женская одежда – короткополая кофта или шубка, приталенная, нараспашку.

камнями украшали кисти рук, нежная кружевная ткань обхватывала стройную шею и колебалась, как воздушное облако. Лицо, не будучи классически прекрасным, было полно неопишущей, таинственной прелести; немного низкий лоб был обрамлен естественными, не напудренными, каштанового цвета локонами, и хотя эта прическа не подходила к русскому костюму, но очень шла к лицу, придавая всей фигуре какое-то фантастическое очарование. Немного бледный цвет лица, казалось, оживлялся внутренним огнем, что скорее чувствовалось, чем было видимо для глаза. Большой рот с полными красными губами и красивыми блестящими зубками указывал на горячий темперамент; эти губы словно были созданы лишь для того, чтобы целовать и собирать благоухающую пену с полного кубка жизненных наслаждений. Но удивительнее всего были под слегка сдвинутыми бровями чудесные глаза, которые, казалось, имели способность отражать в себе всякое чувство, всякую мысль – то они широко раскрывались, то снова суживались, то вспыхивали ярким пламенем, то принимали мечтательное выражение, то насмешливо вызывали смелую шутку, то с горячим чувством проникали в самую душу.

Эта дама была первая солистка императорского балета, и, даже когда она не была на сцене, по каждому ее грациозному движению можно было видеть, что она являлась представительницей искусства живой пластики и мимики.

– Вы немец? – сказала она, протягивая Бломштедту свою красивую руку. – Меня сердечно радует возможность приветствовать соотечественника, так как и я также родилась в этой удивительной Германии, где бесконечно скучаешь, когда находишься в ее пределах, и по которой испытываешь тоску, когда находишься далеко от нее, в особенности если суждено жить здесь, в этой ледяной России, как нам определила судьба, и еще вдобавок целыми неделями только наслаждаться прекрасными обедами и ужинами нашего любезного хозяина, даже не имея случая показать свое искусство.

Молодой человек после некоторого робкого колебания взял протянутую ему руку, а когда его тонкие, мягкие, как бы от внутреннего огня горячие пальцы в крепком пожатии коснулись руки прекрасной танцовщицы, он почувствовал как бы электрический ток, прошедший по всему его телу; он потупился пред пронизывающим взглядом артистки и почувствовал, как краска разлилась по его лицу.

– Мадемуазель Мариетта Томазини, – сказал Евреинов, представляя молодую девушку, – первая жемчужина балета ее императорского величества.

– Полно! – весело смеясь, воскликнула прекрасная танцовщица. – Оставим это имя для афиш, оно звучит так красиво и романтично, и все думают, что только итальянки могут петь и танцевать. Но для вас, мой соотечественник, я называюсь Мария Томас, это мое истинное имя. Я родом из Гамбурга. В сущности глупо, что я подчинилась нелепому предубеждению и не доказала этим варварам, что немка может точно так же хорошо танцевать и, – добавила она с плутовским, вызывающим взглядом, – быть такой же прекрасной, как и итальянка. Или, – сказала она с внезапно сверкнувшим взглядом, – быть может, вы более искренне пожали бы мне руку, если бы я действительно приехала из страны апельсинов, бандитов, воров и огнедышащих вулканов?

Бломштедт еще не выпустил ее руки. Танцовщица слегка наклонилась к нему и незаметно подняла ее, и, сам не отдавая себе отчета, словно повинувшись какому-то магнитическому влиянию, молодой человек прижал свои губы к белой руке, издававшей нежное благоухание, которое одурманило его. Торжествующим взглядом танцовщица обвела всех присутствующих.

– Ну, вот так и всегда бывает! – заметила высокая красивая блондинка, которая также встала и хотела подойти к молодому человеку. – Эта Томазини всегда тут как тут, всегда лезет вперед и все отнимает у нас пред носом!.. Надо же было на несчастье, чтобы судьба как раз привела сюда этого желторотого птенца, с которым она может говорить на непонятном для нас языке! Ну, пусть она его хорошенько оберет, нам какое дело? Это уж его судьба.

Она отошла в угол и, недовольная, громко зевая, опустилась на диван; другие молодые актрисы также казались мало обрадованными тем, что их юный гость, которым сразу все так заинтересовались, обращал внимание только на первую танцовщицу.

Мариетта все это увидела своими зоркими глазами, и насмешливая, презрительная улыбка заиграла на ее губах; держа руку молодого человека и доверчиво склоняясь к нему, она повела его мимо своих товарок к угловому дивану, на котором они и уселись.

Тем временем мужчины обступили хозяина гостиницы и засыпали его вопросами, скоро ли можно ждать приказа императрицы вновь начать театральные представления. Но Евреинов лишь пожимал плечами, и недовольные актеры возвратились к своему столу, чтобы докончить оставшиеся напитки и в тихом разговоре выразить свое негодование по поводу настроения государыни, которая вдруг утратила вкус к театральным представлениям и заставляла томиться в бездействии всю труппу, до сих пор пользовавшуюся ее особенным благоволением.

– Хотя я и всегда радуюсь при виде соотечественника, – сказала Томазини, удобно усаживаясь на диване возле Бломштедта, – в особенности когда он так юн, так элегантен и умеет так любезно разговаривать, как вы, но все же теперь я еще более довольна, что счастливая звезда привела вас сюда, так как вы и понятия не имеете о том, в какой ужасной скуке мы живем в последнее время. Прежде нас почти ежедневно приглашали во дворец для представлений, а теперь мы уже целый месяц не выступаем, государыня не заставляет нас больше играть и словно лишила нас своей благосклонности: в этой варварской стране с нами уже больше никто не смеет быть знакомым. А прежде нам поклонялись, – добавила она, – и преследовали нас своими ухаживаниями здешние бояре, умеющие покупать благосклонность дам своими бриллиантами, даже не давая себе труда быть любезными. А так как императрица не приглашает нас играть, то никто из них не дерзает ступить сюда ногой, предоставляя нас обществу наших коллег. Но ведь те не что иное, как безжизненные деревянные куклы, пока гений поэта не вложит в них роли. Я благословляю свое искусство, на которое актеры и актрисы смотрят с пренебрежением. Мои танцы – мое достояние; ни один поэт не должен вливать в меня свой гений, чтобы из моего рта слышать свои мысли: я сама слагаю свой танец и, если мне аплодируют, я не обязана относить половину успеха на чужой счет. Все же хорошо, что вы приехали! Мы будем разговаривать о нашей родине и не почувствуем своего одиночества, когда будем вдвоем, не правда ли, барон? Мы будем довольствоваться друг другом и сумеем утешить один другого, если остальные не будут обращать на нас внимания.

– О, конечно, мадемуазель, конечно! – сказал Бломштедт. – Я буду счастлив говорить с вами на моем родном языке, и счастлив вдвойне, – добавил он, снова целуя ее руку, – что буду слышать родные звуки, произносимые такими красивыми устами, как ваши.

Эти слова могли сойти за простой комплимент и даже, быть может, не свидетельствовать об особом уме и утонченности сказавшего их, но волнение, с которым молодой человек произнес их, его блестящие глаза и страстное восхищение, звучавшее в его голосе, вполне удовлетворили красавицу танцовщицу; она поблагодарила его с такой обольстительной улыбкой, словно он сказал остроумнейшую любезность. При этом она подвинулась к нему еще ближе, не переходя, впрочем, границы приличной сдержанности. Ее рука лежала на его руке, их плечи слегка соприкасались, ее горячее дыхание обдавало его щеки. Огненный поток распространился по жилам молодого человека. Он был благодарен этому прекрасному существу, окружившему его ошеломляющей атмосферой любви и жизнерадостности.

Но, прежде чем они успели продолжить свой разговор, дверь с шумом отворилась и в комнату ворвался человек – около сорока лет, в черном русском костюме, с бледным одухотворенным лицом и темными, зачесанными назад волосами; его глаза блестели от возбуждения. Это был директор императорской труппы Федор Алексеевич Волков. Актеры, испуганные его волнением, бросились к нему навстречу; молодые актрисы покинули свои небрежные позы и наполовину приподнялись на своих местах.

– Скорей! Скорей! – воскликнул Волков. – Приготовьте все! Я только что получил приказ дать сегодня вечером представление во дворце, и вы все должны участвовать. Императрица велела сыграть пред ней «Хорева»¹² Сумарокова... Нам понадобится весь балет... Я жду от вас, что вы приложите все силы, так как мы уже давно не играли этой пьесы, и все-таки все должно быть в порядке, так как императрица велела мне непременно передать, что ожидает образцового исполнения, и особенно блестящей постановки шествий и народных танцев.

Еще недавно скучающее, сонно-равнодушное общество при словах директора вдруг напомнило потревоженный улей; все повскакали со своих мест, все спешили куда-то. Только Томазини оставалась в углу на своем диване. Хотя и ее глаза заблестали еще ярче при известии, что в этот же вечер должно состояться представление, в котором она может показать пред двором свое искусство, но она, казалось, не могла решиться отпустить от себя молодого человека, которого она только что впрягла в свою триумфальную колесницу; она не отнимала от него своей руки, и ее белое плечико не отстранялось от его плеча, на которое она опиралась.

– Поздравляю вас, – сказал Евреинов, – со счастливым избавлением от вашего бездействия и радуюсь, – добавил он громким голосом, отыскивая глазами барона Бломштедта, – этому приказу о представлении еще более потому, что он служит доказательством, что наша всемиловейшая государыня чувствует себя совсем хорошо. Пойду скорей принести вам подкрепление.

– Не разбегайтесь! – крикнул Волков, когда Евреинов уходил. – Это ничему не поможет... не надо терять ни минуты... Мы должны сделать еще одну репетицию, прежде чем начнется представление... Сани стоят пред дверьми, я отправил рассыльных за хором и статистами... гвардейский батальон отдан в наше распоряжение... гардеробмейстер готовится все... Итак, живо вперед, во дворец!

Барон фон Бломштедт глубоко вздохнул.

– Во дворец! – сказал он вполголоса, обращаясь к своей прекрасной соседке. – Как вы счастливы, что можете ехать туда! Я охотно посмотрел бы на этот двор и на знатных вельмож, но для иностранца доступ туда крайне труден, а потом, – добавил он глухим голосом, причем его пальцы крепко обвили вокруг маленькой, хорошенькой ручки, словно он не хотел выпустить ее, – вы все будете заняты и не скоро придете сюда, где мы могли бы так хорошо беседовать друг с другом.

Мариетта задумчиво, с улыбкой некоторое время смотрела на него, а затем быстро встала, схватила за руку и подвела к Волкову, нетерпеливо разговаривавшему с актерами и пытавшемуся устранить недовольство, обычное почти всюду при неожиданных спектаклях, которое не мог подавить даже приказ самой государыни.

– Уважаемый маэстро, – сказала Мариетта по-французски, – я буду танцевать сегодня вечером, отлично танцевать, обещаю вам, что все будут довольны... Что я говорю – довольны! Все будут в восторге от моих танцев, но под одним условием...

– Условия? Для государыни императрицы? – пожимая плечами, спросил Волков, видимо недовольный.

– Государыня императрица – женщина, – возразила Томазини, – и знает, что значит желание женщины; кроме того, я ставлю это условие только вам, и его легко исполнить. Вот этот господин – барон фон Бломштедт, мой соотечественник и друг, – прибавила она со взглядом, заставившим сердце барона забиться сильнее. – Он желает посмотреть двор и высшую знать, которой он еще не представлен, и я хочу доставить ему это удовольствие.

Бломштедт глядел удивленно на танцовщицу, говорившую в таком легком тоне о вещи, которую Евреинов представил ему такой труднодостижимой.

¹² «Хорев» – трагедия А. П. Сумарокова, была первой пьесой, разыгранной первым русским профессиональным театром, ставилась в качестве сюрприза императрице Елизавете Петровне ее фаворитом И. И. Шуваловым.

– Мы возьмем его с собой, – продолжала Мариетта, – с нами вместе его беспрепятственно и не допрашивая впустят в Зимний дворец; там он оденется в костюм старого русского мужика, займет место в одной из сцен, где не требуется особого танцевального искусства, и таким путем увидит со сцены сановников и весь двор гораздо лучше и яснее, чем в набитых битком залах во время большого раута. А я, – тихо прибавила она, перегибаясь к Бломштедту, – буду иметь удовольствие насладиться подольше обществом моего друга и назвать также ему всех высоких придворных сановников и дам.

Барон весь расслабился и в ожидании смотрел на Волкова, который, ответив на его поклон, стоял в нерешимости.

– Это дурачество, – произнес он, – если государыня императрица узнает, она может разгневаться.

– Ба! – воскликнула Томазини. – Разве она знает в лицо всех статистов и хористов? А если бы она и узнала, то что худого она найдет тут?

– В самом деле, – согласился Волков, – вряд ли возможно, чтобы она открыла это, а кроме того, по существу ведь это, выходит, совсем невинная шутка.

– Прежде всего это – мое желание, – воскликнула Томазини, – так как я хочу провести сегодняшний вечер в обществе своего соотечественника; если это мне не удастся, я ни ногой из дома.

– Вас хватит на это упрямство, – заметил Волков, – но так как условие не ахти какое, то да будет так, как вы хотите. Поезжайте с нами, сударь мой, я зачислю вас в выход, во время которого вам не придется ровно ничего делать, кроме как расхаживать вместе с прочими по сцене; но я попрошу вас на всякий случай держаться подальше от рампы и прятаться за других. Ну, а теперь вперед, вперед! Садитесь в сани!

Все направились к дверям, но тут показался Евреинов с корзинкой шампанского; сопровождавший его лакей хлопнул пробкой, и все наполнили бокалы.

– За здоровье нашей всемилостивейшей государыни императрицы! – крикнул хозяин.

Каждый из присутствовавших поспешно чокался с ним и бросался к двери, чтобы садиться в стоящие уже наготове сани.

Когда Бломштедт, сияя, подошел к Евреинову, держа под руку танцовщицу, хозяин в ужасе воскликнул:

– Как? И вы едете, государь мой?

– Да, – подтвердил Бломштедт, – я еду, я увижу двор скорее, чем думал: я буду участвовать в спектакле статистом! – и, не дожидаясь ответа, он повел прильнувшую к нему Мариетту к выходу.

– Мне не удержать его, – произнес Евреинов, задумчиво смотря вслед молодому человеку, – это сумасшествие. Мне было бы жаль, если бы это привело к катастрофе!.. Но больше нечего делать, я не могу выказывать столько участия к нему под столькими взглядами.

Он приказал лакеям убрать со стола в сразу опустевшем зале и вернулся в общий зал, чтобы приглядеть – как служат его гостям.

III

Труппа актеров снова в своем обычном радужном настроении подъехала сани за санями к одному из боковых подъездов Зимнего дворца; эта пестрая, весело болтающая компания производила удивительное впечатление при проходе через тихие, пустынные коридоры, мимо молчаливых часовых.

Фриц был во власти удивительного, охватившего все его существо возбуждения. Родные картины дюн, даже воспоминания о его Доре, которые до сих пор всецело наполняли его, подернулись теперь легкой дымкой забвения, настолько возбуждали в нем жажду жизни заманчивые губы и пламенные взгляды танцовщицы.

Он помог Мариетте выйти из саней, причем она так крепко оперлась на его руку, что он услышал биение ее сердца почти у самого своего сердца; затем он повел ее – она снова прильнула к нему вплотную – по коридору к театральным залам; все часовые беспрепятственно пропускали его, не сомневаясь в том, что он принадлежит к числу приглашенных государыней актеров. В зале, который находился сейчас позади сцены и из которого можно было пройти в уборную артистов, Мариетта выпустила руку своего кавалера и сказала:

– Теперь, мой друг, мы должны на несколько времени расстаться; я должна позаботиться о своем костюме, причем не могу уже воспользоваться вашими рыцарскими услугами, – весело прибавила она, – да и вы должны переодеться для роли. Это вы можете сделать вон там, в мужской уборной.

Быстро пожав ему еще раз руку, она поспешно бросилась в боковую дверь.

– Живо, живо, барон! – сказал Волков. – Идите сюда, я дам вам костюм русского крестьянина. Вы привяжете бороду, под ней вы сами себя не узнаете, если посмотритесь в зеркало.

Он повел Бломшtedта в зал рядом, уставленный шкапами, в которых большинство артистов уже выбрало по костюму, чтобы нарядиться для спектакля пред развешанными на стенах зеркалами, а затем выполнить трудную работу гримировки пред многочисленными расставленными по залу туалетными столами. Молодой человек облекся по указаниям Волкова в русский костюм, состоявший из вишневого шелкового жилета, широких черных, до колен брюк и блестящих сапог, на голову он надел четырехугольную окаймленную мехом шапку и приладил искусно сделанную черную бороду, скрывающую половину его лица и делавшую его неузнаваемым. При этом его лицо много выиграло от грима, так как борода придавала мягким юношеским очертаниям выражение мужественной твердости. Когда туалет был окончен, Волков, перебежавший от стола к столу, давая советы и то тут, то там кладя черные штрихи грима, чтобы добиться большего соответствия между выражением лица актера и его ролью, – повел его на сцену. За кулисами уже собрались статисты и хористы. Волков поставил Бломшtedта в ряд крестьян и приказал ему копировать передового во всех жестах и движениях.

Фриц стоял на своем месте, весь стгорая от любопытства, как будет дальше развиваться его приключение, но еще нетерпеливее ожидая появления прелестной танцовщицы. Понемногу на сцену вышли некоторые из драматических артистов, покончившие с туалетом и гримом.

Волков прильнул глазом к маленькой, проверченной в занавесе дырочке и откинулся назад удивленный; дело было в том, что он не увидел в зале ни души, между тем как час, назначенный на начало представления, уже наступил, а придворные обыкновенно занимали места в партере и ложах по рангу задолго до представления. Точно так же и царская ложа, помещавшаяся прямо против сцены, была совершенно пуста; лишь сзади, в проходе, были видны двое солдат лейб-компанской роты ее императорского величества, они стояли неподвижно в своих богато вышитых золотом мундирах, в шляпах с пером и с саблями наголо. Проход, в котором они стояли, соединялся особой галереей с собственными покоями государыни.

Волков испуганно попятился.

– Это что такое? – воскликнул он. – Весь театр пуст? Неужели наши надежды возобновить свою игру окажутся напрасны? Неужели государыня императрица отдала в последний момент новый приказ, отменяющий первый?

Оказавшиеся на сцене артисты поспешили к другим дыркам в занавесе; со всех сторон послышались выражения недовольства и разочарования.

Государыня являлась обыкновенно ровно в назначенное время, и никто не смел появляться в зрительном зале после нее. До срока оставалось еще десять минут... Неужели придется отменить представление?! Почему же актеров не предупредили? Не забыла ли государыня столь хвалимую ею и осыпанную милостями труппу?

Лицо Волкова омрачилось, он снова подошел к занавесу; но ни одна дверь ни в ложах, ни в партере не была открыта. Когда он готов был с болью в сердце отступить от рампы, чтобы возвестить прочим печальную новость, в царской ложе появилось двое камергеров¹³, ставших по обе стороны императорского кресла, это происходило обыкновенно незадолго до появления в ложе императрицы. Следовательно, государыня должна была скоро прибыть. Но что значила эта пустота в театре? Мыслимо ли, чтобы государыня, так любившая всегда роскошь и блеск общества, пожелала совершенно одна смотреть пьесу, которую она уже не раз видела, которую уже и не ставили в последнее время в репертуар из-за заигранности? Но нельзя было все-таки терять время: императрица могла появиться каждую минуту и дать знак поднимать занавес.

Волков бросился в дамскую уборную и, шутя и грозя в одно и то же время, начал усиленно просить дамский персонал кончать поживее с туалетом.

Первая сцена представляла собой придворное празднество в Киеве. Волков вывел на сцену колонну крестьян, среди которых находился и фон Бломштедт. Появились наконец и участвовавшие в первой сцене артистки; скоро все было готово для поднятия занавеса. Волков, пробегаая по уборным, заклинал всех поспешить, чтобы и они могли выйти на сцену по первому его слову. Среди этих хлопот он то и дело подбегал к дырочке занавеса и кидал удивленные взгляды на все еще пустой зал.

Но вот обе половинки дверей императорской ложи широко распахнулись, и на ее пороге показалась стройная фигура обер-камергера графа Ивана Ивановича Шувалова¹⁴, одетого в блестящий придворный мундир, с голубой Андреевской лентой через плечо и с жезлом, увенчанным короной, в руке.

Граф вошел в ложу, повернулся к входу и ударил жезлом о пол. Оба часовых лейб-компанца опустили сабли книзу, камергеры отступили в стороны от кресла; еще секунда – и в ярко освещенной ложе появилась Елизавета Петровна.

Она была одета в русское платье из темно-красного шелка, на ней был подбитый горностаем шушун из золотой парчи. На груди лежала голубая Андреевская лента, а шею обнимала темно-красная лента ордена святой Екатерины¹⁵; на золотой парче шушуна сверкали звезды орденов. Голову императрицы покрывал высокий кокошник, усыпанный сплошь драгоценными камнями и оканчивавшийся наверху небольшой императорской короной. Осанка императрицы была усталая, несмотря на все усилия побороть слабость; лицо сильно нарумянено и набелено, но благодаря этому тем яснее выступали утомленность и худоба провалившихся щек; глаза глубоко запали под сильно подведенными бровями, и даже гримировка не

¹³ **Камергер** – придворное звание и должность, соответствовавшая четвертому классу по Табели о рангах (обер-камергер – третьего класса); отличительный знак – золотой ключ на голубой ленте у левой поясничной пуговицы.

¹⁴ **Шувалов** Иван Иванович (1727–1797) – государственный деятель, президент Академии художеств, куратор Московского университета, созданного при его прямом участии. Будучи фаворитом Елизаветы, находился в натянутых отношениях с «молодым двором», в частности с Екатериной II, во время ее правления влиянием не пользовался.

¹⁵ **Екатерины святой орден** – введен Петром I в честь Екатерины I, ставшей императрицей, в 1714 г. Высший женский орден в России. Екатерининская лента – принадлежность ордена, красного цвета, носилась через плечо вместе со звездой.

вполне скрывала темные круги под ними. Она опиралась рукой на плечо семилетнего великого князя Павла Петровича, сына ее племянника и наследника престола.

Этот августейший ребенок, со своим нежным, слегка бледным лицом, хрупкой фигурой, вдумчиво озирающимся глазами, был точным портретом своей царственной тетки. Юный князь был тоже одет в окаймленный горностаем русский костюм из темно-синего шелка; четырехугольная горностаевая шапка покрывала его белокурые локоны; вместо пуговиц на жилете сверкали огромные бриллианты; на груди красовались голубая лента и бриллиантовая звезда ордена святого Андрея Первозванного¹⁶.

Позади государыни виднелась высокая, сановитая фигура графа Алексея Григорьевича Разумовского¹⁷ в роскошном фельдмаршальском мундире. Больше в свите государыни не было никого; не было даже дежурных статс-дам¹⁸, которые обыкновенно должны были быть готовы повиноваться мановению бровей ее величества.

Елизавета Петровна медленной, чуть колеблющейся походкой подошла к барьеру ложи, камергеры подвинули кресло, она опустилась в него. Великий князь занял место рядом на высоком табурете, а графы Шувалов и Разумовский остались стоять позади государыни. Двери ложи заперли, и Елизавета Петровна мановением руки дала знак к началу спектакля.

Занавес взлетел.

Государыня облокотилась на спинку кресла, ее глаза наполовину закрылись – она была занята, казалось, более своими мыслями, чем зрелищем. Юный великий князь, воспитываемый в тиши и удалении от двора, присутствовал впервые при спектакле и, склонившись вперед, сверкающими глазами смотрел на сцену, производившую на него впечатление настоящего откровения.

Больше всех был изумлен Фриц при виде этого блестящего, ярко освещенного зала, в котором было так мало народа и который казался потому еще печальнее и пустыннее. Он рассчитывал увидеть во время этого приключения, доставленного ему случаем, весь русский двор, о роскоши и блеске которого говорила вся Европа, а теперь видел лишь надломленную, похожую в своем сверкающем бриллиантами костюме на привидение императрицу да этого августейшего ребенка, который ни разу еще не появлялся в публике и о существовании которого вряд ли кто думал. Великий князь, герцог голштинский, который был целью поездки в Петербург и проникнуть к которому необходимо, отсутствовал. Бломшtedт ровно ничего не понимал. Это первое появление его в кругу русской придворной жизни настолько противоречило всем его ожиданиям, что он положительно не мог привести в порядок свои мысли и найти какое-нибудь объяснение этому столь необычайному происшествию.

Актеры скоро справились с изумлением: они уже привыкли ничему не удивляться при русском дворе и быть свидетелями самых невероятных вещей и приложили все старание провести свои роли безупречно, так как императрица одна стояла всех прочих слушателей и – грома аплодисментов зрительного зала ее легкое наклонение головы или мимолетная улыбка.

Волков неумоимо метался туда и сюда за кулисами, приказывая, ободряя, указывая, тут устраивая в ряд хористов, там поправляя какой-нибудь бантик в костюме актера или крича какой-нибудь капризной актрисе быть готовой выходить на сцену по первому же зову.

Бломшtedт не отрываясь смотрел на царскую ложу, где тоже представлялась чудная картина: старая больная женщина, сверкающая блеском царственного одеяния, и ребенок, точно

¹⁶ **Андрея Первозванного орден** – введен Петром I в 1698 г. после победы над шведскими кораблями в устье Невы. Первый по значению и введению русский орден; состоял из звезды, цепи с крестом распятого святого Андрея и Андреевской голубой ленты через плечо.

¹⁷ **Разумовский** Алексей Григорьевич (1709–1771) – граф, генерал-фельдмаршал (1756). Из украинских казаков, придворный певчий. Участник переворота 1741 г. С 1742 г. морганатический супруг Елизаветы Петровны.

¹⁸ **Статс-дама** – придворный чин для замужних женщин, первого класса по Табели о рангах, с ношением портрета императрицы и с обращением – высокопревосходительство. Для девиц в том же значении было звание **камер-фрейлины**.

выхваченный из какой-нибудь сказки седой старины. Вдруг он заметил, что статисты, в рядах которых он стоял, сделали движение в сторону, чтобы открыть заднюю кулису сцены. Он быстро, согласно распоряжениям Волкова, последовал за ними. Глубина сцены, представлявшая собой пещеру, теперь открылась зрителям, и по ней заскользила Мариетта Томазини в сопровождении четырех других молодых балерин. Она представляла собой крестьянку и была одета в русский костюм, впрочем, слегка и очень удачно ею самой стилизованный: легкое каштанового цвета покрывало из тончайшей шелковой материи облегалo ее стройное, затянутое в трико телесного цвета тело; оно ниспадало красивыми складками до колен; красные шелковые башмаки закрывали ноги до щиколотки; около плеч кафтан был открыт, в нем был сделан доходящий до горла вырез, затянутый легким пушистым кружевом; короткие, до локтя, рукава придерживались у плеч лентами; волосы были завиты в локоны и выбивались в кажущемся беспорядке из-под маленькой красной шапочки.

Четыре товарки Мариетты были одеты как и она, но им недоставало в костюмах того тонкого вкуса, который знает во всем меру, а также той удивительной уверенности и в то же время гибкой стати, которая придавала ей особенную прелесть; но главное, несмотря на то что в отдельности они были красивы, им недоставало огня, сверкавшего в ее глазах, и очаровательного выражения ее полураскрытого ротика. Уроженка Гамбурга, выросшая под серым небом севера, казалось, была трепещущим солнечным светом, а ее гибкое тело оживляло собой благородные античные формы исчезнувших рас.

Мариетта вылетела, окруженная подружками, из глубины сцены к самой рампе и, низко склонившись пред государыней, начала танец.

Балет был простой. Спутницы Томазини старались поймать ее, а она пыталась ускользнуть от них, то увертываясь из их рук, то отскакивая прыжками. Все новые и новые прелести открывались в беспрестанно менявшихся положениях этой пляски; каждая поза, как ни была она мимолетна, запечатлевала на момент свою пластическую красоту. Очаровательную игру Мариетта дополняла чудесной, полной экспрессии мимикой. По временам, когда ей удавалось ускользнуть из рук преследовательниц, ее подвижное лицо выказывало такую насмешливую, хитрую радость, что можно было подумать – вот-вот раздастся чистый, звонкий смех. При каждой новой вариации она отвешивала низкий поклон. Когда же наконец по окончании короткого интермеццо прекрасная крестьянка была поймана спутницами и, пытаясь сопротивляться, откинула голову в сторону и поглядела на Фрица таким молящим и в то же время вызывающим взглядом, то последний еле-еле мог удержаться, чтобы не броситься к ней.

Танец кончился, танцовщицы отступили назад в глубину сцены; Томазини, сложив руки на груди, склонилась пред императорской ложей, в которой молодой великий князь хлопал в ладоши в полном восторге. Затем она совершенно естественно направилась к группе крестьян, к которой подходила костюмом, оперлась на руку Бломштедта и склонилась, точно обессиленная, на его плечо. Бедный Фриц ощутил дрожь ее чудного тела, увидел колебание ее груди, лишь слегка закрытой тонким кружевом, почувствовал, как душистые волосы коснулись его щеки – не в силах сдержаться он обнял ее за плечи и притянул к себе. Никто не обратил на это внимания: все это могло входить в пантомиму. Главные персонажи снова принялись за прерванный балетом диалог и пьеса пошла своим ходом дальше.

Вдруг императрица махнула рукой; обер-камергер поднял жезл и протянул его к сцене.

– Стой, стой! – крикнул за кулисами Волков. – Ее императорское величество приказывает перестать!

Императрица выпрямилась из своего полулежачего положения и перегнулась через барьер ложи. Она окинула взглядом незанятые места партера и пустые ложи.

– Утомительно смотреть, – произнесла она усталым, но слышным даже на сцене голосом, – на пустой театр, да и актерам моим невесело, должно быть, играть, не имея зрителей. Алексей Григорьевич, – обратилась она к фельдмаршалу графу Разумовскому, – так как других

зрителей нет, пусть придут сюда караулы от Преображенского и Измайловского полков; мои бедные солдаты будут рады увидеть пьесу на тему, взятую из великой истории нашей родины.

Граф Разумовский был, видимо, поражен, но тем не менее поспешил беспрекословно выйти из ложи.

Императрица снова откинулась на спинку кресла и, полузакрыв глаза, погрузилась в прежнюю задумчивость, между тем как Павел смотрел блестящими глазами, сильно перегнувшись вперед, на сцену, где все действующие лица замерли в той позе, в которой застала их остановка. Группы этих фигур в пестрых, блестящих костюмах представляли собой настоящую живую картину, которую маленький великий князь осматривал с большим старанием и которая и без слов и движений возбуждала в нем высшую степень интереса.

Почти полчаса прошло в глубочайшем молчании. Императрица и немногочисленные ее спутники пребывали в той же неподвижности, как и актеры на сцене.

Все это время прекрасная Мариетта оставалась в объятиях Бломштедта. Тепло тела разливалась в нем с магнетической силой, он забыл обо всем на свете и ощущал лишь страстное желание продлить навеки эти блаженные мгновения.

– Почему мы на деле не то, что изображаем собой сейчас? – шепнула она, не двигая губами, не дрогнув ни одним мускулом, так тихо, что лишь он один мог понять ее слова. – Почему мы – не крестьяне какой-нибудь тихой деревушки, где мы могли бы жить вместе, друг для друга только, забыв обо всем мире? Почему вы должны быть важным барином, а я – бедной танцовщицей? Почему должен кончиться наш сон? Почему должны мы расстаться?

– Расстаться? – тихо переспросил он. – Никогда, никогда... После таких минут не разлучаются...

Мариетта снова положила голову на его плечо, ее глаза закрылись, губы сложились, точно невольно, для поцелуя; не владея более собой, Бломштедт склонился к ее губам, и не стой они в глубине сцены, на пылкое объятие его было бы обращено внимание. Но все были слишком заняты судьбой спектакля, и взоры всех были обращены на императорскую ложу.

В это время на улице послышался грохот барабана; прошло несколько мгновений, двери театрального зала раскрылись – и партер и ложи быстро заполнились марширующим строем лейб-гвардейцев Преображенского и Измайловского полков. Солдаты недоуменными взорами обводили блестящее помещение. Они заметили императрицу и со всеми признаками величайшего изумления и любопытства смотрели на пеструю разноцветную картину, развертывавшуюся пред ними на сцене. Спустя короткое время театр наполнился совершенно и двери были вновь заперты.

В императорскую ложу вошел фельдмаршал граф Разумовский и доложил, что приказ исполнен.

– Садитесь, дети мои! – крикнула Елизавета Петровна и, очнувшись от задумчивости и перегибаясь через барьер ложи, кивнула головой.

Тотчас же все эти солдаты, точно на ученье, опустились на бархатные кресла, предназначенные для придворных дам и кавалеров. Ружья они поставили пред собой, а офицеры вложили сабли в ножны.

– Играть дальше! – произнесла императрица, взмахивая рукой.

Спектакль начался с того места, на котором был остановлен. И скоро многочисленные восторженные вызовы показали, как легко то, что происходит на сцене, сыны народа принимают за действительность.

На сцене показались древнерусские воины, и полководец в своей пламенной речи предлагал им пойти на врага, обложившего их родной город. Воины и крестьяне на сцене ответили громкими дружными криками; в тот же момент все солдаты в театральном зале встали с мест, схватились за оружие, нацепили на штыки свои гренадерские шапки и присоединились к крикам со сцены, так что из-за всеобщего шума пришлось приостановить представление.

Императрица поднялась с кресла; ее фигура гибко выпрямилась, в тусклых глазах засверкал огонь.

Когда наконец буря улеглась, когда офицерам удалось усадить на места гвардейцев, готовых броситься на сцену, чтобы идти вместе с артистами на приступ, императрица, как только воцарилась тишина, крикнула громким голосом на весь зал:

– Так было некогда, дети мои; так некогда шли русские воины на врага; так преданны и верны были они своим царям, любившим их, точно родных детей. Так дело обстоит и до сих пор еще; точно так же и вы выступите за свою мать-государыню, когда я пошлю вас присоединиться к вашим товарищам, находящимся в походе против нашего врага, прусского короля, грозящего нашей родине и оскорбляющего вашу государыню.

В зале снова раздался одушевленный крик солдат; он висел в воздухе несколько минут, пока наконец государыня не махнула снова рукой, чтобы водворить тишину.

– И так, как было встарь, – продолжала она, – как есть на деле и теперь, так должно быть и в будущем. Храбрые воины земли Русской будут всегда готовы разнести врагов родины и защитить своих властителей. Смотрите сюда, – продолжала она, обнимая рукой маленького великого князя Павла Петровича и подводя его к барьеру ложи, – смотрите сюда! Этот мальчик – мой внук, которого я люблю, как сына; в его жилах течет кровь моего отца, Великого императора Петра Первого, разбившего вместе с вашими отцами турок и шведов; он – слабый ребенок, и все-таки он могуч, так как вы окружаете его железной стеной; ваши руки готовы защитить его; ваши мечи погрузятся, не задумываясь, в грудь его врагов и окрасятся их кровью... Он будет вашим царем после моей смерти, но я буду наблюдать с неба за тем, выполните ли вы свой долг, как выполняли его ваши предки! Я вверяю его вам... Клянись мне, что никогда не покинете его, что будете жить и умирать ради него, что все его враги найдут в вас непреодолимое препятствие, через которое они не будут в силах добраться до его головы.

– Клянемся Пресвятой Матерью Божией и всеми святыми мучениками! – раздалось отдельное голоса. Скоро к ним присоединились прочие, и все грознее потрясал театр гром голосов:

– Клянемся, клянемся! Да здравствует наша матушка, Елизавета Петровна, дочь Великого Петра!.. Да здравствует Павел Петрович, наш будущий царь!

Артисты, стоявшие впереди, сочли нужным присоединиться к крикам, и несколько минут зал дрожал от грома восклицаний.

Императрица стояла, гордо выпрямившись; молодой великий князь испуганно смотрел на возбужденные лица солдат и, весь дрожа, прильнул к своей царственной тетке.

Волков, хотя и не участвовал в спектакле, вышел на сцену в костюме крестьянина, чтобы лучше следить за этим необычайным, из ряда вон выходящим спектаклем. Он подошел к Бломшtedту, – из объятий которого Мариетта вырвалась, охваченная наполовину любопытством, наполовину страхом, в самом начале этой поразительной сцены, превратившей подмостки в зрительный зал, – совершенно очарованному и еле обращавшему внимание на происходившее в зрительном зале:

– Мне кажется, нам пришлось превратиться из участников драмы из древней истории в зрителей политической трагедии новейшего времени.

– Политической трагедии? – переспросил совершенно опешивший Бломшtedт, с трудом отводя взор от Мариетты и удивленно глядя на Волкова. – Почему непременно трагедии? Эти солдаты так рады зрелищу, доставленному им императрицей.

– Мне-то, государь мой, – тихо заговорил Волков, – все равно, но вас это касается, пожалуй, больше, чем меня; разве вы не слышите, что государыня провозглашает молодого великого князя Павла своим наследником, и это совершается в отсутствие великого князя, вашего герцога? Я не удивился бы, – еле слышно шепнул он на ухо молодому человеку, – если бы мне пришлось узнать, что в этот самый миг, когда солдаты приветствуют этого ребенка в ложе,

великий князь Петр Федорович уже совершает путешествие в какую-нибудь отдаленную крепость, если и не в саму Сибирь.

Молодой человек побледнел. Великий князь в тюрьме!.. Что же станет с ним самим? Что будет с его поездкой?

Точно во сне, пред его глазами пронеслись образы беспомощного измученного старика Элендсгейма и его милой Доры, печально смотрящих ему вслед. Он забыл о них в своем опьянении. Если теперь великий князь очутится в изгнании, если доберутся и до него самого, если его приговорят разделить участь своего повелителя, то что станет с теми, которые надеются на него и ждут его возвращения?

Он схватился за лоб рукой; все вокруг него завертелось в тумане.

Крики солдат мало-помалу прекратились; императрица еще раз милостиво кивнула им; великий князь тоже в знак благодарности робко махнул рукой; затем государыня приказала продолжать спектакль. Тотчас же зрелище началось с того места, где было прервано речью государыни. Томазини снова вернулась к группе крестьян, и, хотя Бломштедт пугливо отступил было пред ней, он не мог долго противостоять ее чарам: он снова прильнул к ней, и пред его глазами потускнели образы старика Элендсгейма и его дочери. Скоро сцена, в которой он участвовал, кончилась, и он должен был покинуть подмости вместе с группой крестьян, к которой принадлежал. Мариетта тоже вместе со своими спутницами присоединилась к этой группе. Едва они очутились за кулисами, как танцовщица, решившаяся, казалось, немедленно же упрочить свое новое завоевание, очутилась рядом с Бломштедтом.

– Вот вам первое знакомство с этой варварской страной, – сказала она, недовольно хмурясь, но тотчас же снова насмешливо улыбнулась. – Мы должны показывать свое искусство этим грубым солдатам, ничего не понимающим в красоте: ведь им любая чухонская девка покажется красивее античной статуи; впрочем, все равно, я мало забочусь об этом. Пойдемте! До нашего выхода еще много времени, поболтаем немного, ведь мы, – прибавила она, – будем хорошими друзьями, не правда ли?

Она потянула барона за одну из декораций, села рядом с ним на скамейку, стоявшую наготове для сцены, прильнула к нему и затем медленно подняла свой взор на него. Но в тот же момент лицо ее исказило выражение изумления и даже ужаса, а широко раскрывшиеся глаза уставились на противоположную стену, в которой была устроена потайная дверь.

В этой двери показалась слабо освещенная закулисными лампами фигура человека среднего роста; он, дрожа и качаясь, держался за косяк двери; одет он был в голштинский мундир, поверх которого шла красная с белым полоса Аннинской ленты¹⁹. Его мундир был расстегнут, лента лежала неровно, по-военному зачесанные и напудренные волосы были в беспорядке. Бледное лицо и блуждающие глаза выражали волнение и страх.

– Господи боже! – вскрикнула Мариетта, вставая со скамьи. – Ведь это великий князь! В каком виде... в каком волнении... Он не может показаться сейчас в зале!.. Я ничего не понимаю в политике, но все-таки мне ясно, что бедному великому князю не место здесь сегодня.

Бломштедт вскочил и с крайним изумлением смотрел на казавшегося в этой обстановке привидением великого князя, его герцога, ради которого он пустился в путь.

Танцовщица подошла к двери, Бломштедт последовал за ней неверной походкой.

– Что тут такое происходит? – хрипло спросил Петр. – Сюда введены гвардейские полки, весь дворец сотрясается от кликов солдат... Мне говорили, что государыня одна с моим сыном в театре... Что все это значит?

– Прошу вас, ваше императорское высочество, – заговорила танцовщица, на веселом, беззаботном лице которой проступило беспокойство, – уходите назад! Подождите, вы узнаете потом все!.. Только чтобы вас не заметили здесь сейчас.

¹⁹ Аннинская лента – принадлежность ордена святой Анны, голштинского ордена, ставшего российским.

– Не заметили меня здесь! – вскрикнул Петр, лицо которого исказилось еще большим волнением. – А почему? Лучше я покажусь здесь сам во избежание сюрпризов! Я знать не желаю этой проклятой России!.. Пусть меня отпустят назад на родину, в Голштинию, пусть тогда тут делают все, что угодно, но я должен быть свободен. Я не беззащитен, у меня есть мои голштинцы, и я пробую с их помощью дорогу.

Он вытащил из ножен шпагу и хотел двинуться к сцене.

Мариетта бросилась ему навстречу; за ней последовал и Бломштедт, пытаясь схватить вооруженную руку великого князя.

– Это кто такой? – спросил Петр, диким взором глядя на стоящего пред ним русского крестьянина. – Прочь с дороги! Все, что принадлежит к России, познакомятся с острием моей шпаги!

Молодой человек снял бороду и, низко кланяясь великому князю, произнес:

– Ваше императорское высочество! Вы ошибаетесь! Я барон фон Бломштедт, голштинский дворянин и верноподданный моего герцога.

– Это правда? – спросил Петр Федорович, испытующе глядя на прекрасное лицо юноши.

– Да, да, это правда, ваше императорское высочество, – воскликнула Мариетта, уже тряса от страха, – да, это правда. Верьте ему, послушайте его слова: уйдите отсюда!

Петр стоял на пороге в нерешимости и затем медленно вложил шпагу в ножны. В этот момент со сцены послышались громкие крики.

– Ее императорскому величеству дурно! Императрица умирает! Она умерла... Боже! Какое несчастье! – раздавалось со всех сторон все громче и громче.

Группы на сцене расстроились, все бросились вперед к рампе, в зале кричали солдаты.

Великий князь затаил дыхание и боязливо прислушивался к становившимся все громче крикам. Затем его лицо покрылось густым румянцем, он выпрямился, из груди тихим лихорадочным стенанием вырвались слова:

– Императрица умерла, кричат здесь, значит, могущество и власть принадлежат мне!.. Я, я – император!!

Увлеченный этим необычайным моментом, Бломштедт преклонил пред великим князем колено и произнес:

– Да здравствует его императорское величество! Да здравствует император и мой герцог!

Мариетта с восторгом смотрела на одухотворенное лицо молодого человека, склонившегося в рыцарской позе, и тихо шептала:

– Как он хорош!

Одна эта странная группа оставалась молчаливой и неподвижной во мраке кулис, между тем как со сцены все неслись громкие крики:

– Императрица умирает!.. Она умерла!

– У вас счастливая звезда, – обращаясь к Бломштедту, произнес Петр Федорович, черты лица которого и осанка вновь приняли выражение величия, – вы первый приветствовали меня в сане императора. Я не забуду этого, и этот момент осветит всю вашу жизнь!

Но, очевидно, волнение оказалось не под силу ему: он прижал руку к глазам и начал искать другой рукой опоры.

Бломштедт подхватил его под руку и поддержал. Через несколько секунд головокружение прошло, но он все еще тяжело опирался на руку молодого человека.

– Благодарю вас, – произнес Петр, – кажется, мне суждено быть вам еще более обязанным; здесь в самом деле мне нечего больше делать. Ведите меня назад! Сейчас мне выпало на долю счастливое предзнаменование: первая рука, на которую пришлось опереться императору России, принадлежала подданному голштинского герцога. Точно так же и все мое могущество должно принадлежать моей родной стране!

Бломштедт бросил прощальный взгляд на прекрасную танцовщицу; та смотрела на него со счастливой улыбкой и, коснувшись губ кончиком пальца, шепнула:

– До свидания!

Затем Бломштедт зашагал рядом с Петром Федоровичем и вошел в слабо освещенный коридор.

Мариетта заперла за ними дверь и поспешила назад на сцену. В это время безжизненное тело государыни уносили из ложи, а смущенные солдаты проходили сомкнутыми рядами по наполненным встревоженной дворцовой челядью коридорам к выходу из дворца.

IV

Петр Федорович вернулся с Бломшtedтом в свои покои, соединявшиеся потайным ходом с театром; этот ход был устроен по приказанию самого великого князя, так как он по временам выражал большой интерес к сцене. Сильное замешательство царило здесь.

В передней стояли лакеи со встревоженными лицами, прислушиваясь к голосам, доносившимся из других частей дворца, и к равномерным шагам гвардейцев, расхаживавших на площадке пред дворцом. В салоне, непосредственно примыкавшем к кабинету великого князя, стол, уставленный бутылками и стаканами, свидетельствовал о том, что здесь только что происходила попойка – одна из тех попоек, которые Петр Федорович часто устраивал своим друзьям. Большинство участников пирушки разбежалось при первом известии о появлении во дворце гвардейских полков, а те немногие, которые остались, были далеко не веселы.

Посредине комнаты сидела графиня Елизавета Воронцова²⁰, возлюбленная великого князя, не скрывавшая ни пред кем своей близости к будущему императору. Это была высокая, стройная особа, хотя излишняя худоба несколько портила ее фигуру. Бледное желтоватое лицо ее можно было бы назвать почти безобразным, если бы его не украшали прекрасные, живые глаза, постоянно менявшие свое выражение и придававшие особенную привлекательность всей физиономии. В эту минуту лицо графини Воронцовой было испуганным, а взоры боязливо блуждали по сторонам, точно высматривая, откуда грозит опасность.

Рядом с возлюбленной великого князя стоял майор Федор Васильевич Гудович²¹, украинский казак, которого Елизавета Петровна назначила адъютантом великого князя, чтобы противодействовать влиянию голштинских офицеров.

Гудовичу было в это время около тридцати пяти лет; по своей наружности и характеру он был типичным сыном своей родины. В чертах его лица выражались сила и мощь, а темно-синие глаза смело и открыто глядели на Божий мир. Зеленый, расшитый золотом мундир адъютанта ловко облегал его статную фигуру. Рука офицера покоилась на эфесе шпаги, как будто он готовился вступить в бой.

В самом углу комнаты, весь съезжившись, сидел майор фон Брокдорф, один из голштинских офицеров, любимец Петра Федоровича. Его некрасивое лицо с маленькими заплывшими глазками выражало высшую степень растерянности.

Увидев входящего Петра Федоровича, графиня Воронцова бросилась к нему навстречу и повисла на шее.

– Что случилось? – тревожно спросила она. – Что означают разгуливающие здесь гвардейцы? Неужели они пришли для того, чтобы прогнать нас? Куда же мы денемся? К кому нам обратиться?..

Брокдорф спрятался еще глубже в угол, а Гудович спокойно и решительно подошел к Петру и стал с недоумением разглядывать незнакомого молодого человека в крестьянском костюме, который вошел вместе с великим князем. Лакеи тоже ближе придвинулись к дверям, с любопытством ожидая, что скажет великий князь.

Петр Федорович глубоко перевел дыхание, запыхавшись от быстрой ходьбы, затем гордо выпрямился и с сияющими глазами сказал взволнованно:

– Для нас нет никакой опасности, с какой бы целью ни вызвали сюда гвардию, нам нечего беспокоиться. Императрица умерла, – прибавил он, прижимая руку к сильно бьющему сердцу, – и я – император. Вытащи свою шпагу из ножен, Федор Васильевич, и отдай

²⁰ Воронцова Елизавета Романовна – фаворитка Петра III; выдана Екатериной II за статского советника Александра Ивановича Полянского.

²¹ Гудович Федор Васильевич – правильно Гудович Александр Васильевич (1731–1808) – генерал-адъютант Петра III.

честь своему императору! А ты, Романовна, подними повыше голову!.. Скоро ты пред всем светом займешь место рядом со мной и разделишь мой трон. Конец преследованиям: теперь только я один повелеваю в России.

Графиня Воронцова вскрикнула от радости и таким властным взглядом окинула всех, точно уже сидела на троне и видела все государство у своих ног.

Брокдорф вскочил с места и, весь покраснев от удовольствия, подошел к великому князю.

Только один Гудович оставался таким же спокойным и серьезным, как и раньше.

– А вы вполне уверены, ваше императорское высочество, что это действительно так? – спросил он. – Несколько раз уже распространялись слухи, что ее императорское величество скончалась, и до сих пор эти слухи оказывались ложными.

– Нет, нет, теперь это верно! – воскликнул Петр Федорович. – Все видели, как она свалилась в театр. Слышите, какой там шум и суета? Наполните стаканы и выпейте за мое здоровье, а также и за здоровье графини Елизаветы Романовны Воронцовой! Сегодня мы можем себе все позволить, – смеясь, прибавил Петр, – можем пить сколько угодно, не опасаясь выслушать завтра нотацию.

Затем он подошел к столу, наполнил большие кубки крепким венгерским вином и поднес свой к губам; но в этот момент Гудович бросился к великому князю, отнял у него наполненный кубок.

– Если действительно государыня императрица умерла, – строгим голосом проговорил он, – то новому императору предстоят очень важные дела и теперь не время затемнять свой разум крепким вином. Император должен сохранить вполне ясными свои умственные силы, чтобы достойным образом исполнить высокие обязанности, которые он берет на себя и в которых ответствен пред русским народом и памятью Великого Петра.

Петр Федорович сначала с удивлением смотрел на своего адъютанта, затем его лицо стало багровым от гнева, а жилы на лбу напряглись и резко выделились.

– Что ты себе позволяешь, Федор Васильевич? – сердито спросил он. – Ты, кажется, совсем позабыл, кто я и кто ты? Я знаю, что императрица приставила тебя ко мне в качестве соглядатая и шпиона, но ты был хорошим товарищем, и потому я тебя любил и относился к тебе по-дружески. Как же ты позволяешь себе теперь такую дерзость? Ты заставляешь меня раскаиваться в моей доброте! Берегись! Клянусь Богом, что ты первый пройдешься по Владимирке, узнаешь сибирские морозы.

Великий князь весь дрожал от гнева, но Гудович спокойно выдержал его грозный взгляд.

– Если государыня императрица действительно умерла, – повторил он, – то в вашей власти заключить меня в крепость или послать в Сибирь, даже на эшафоты – вы будете иметь на это право, если я не исполню в такой важный момент своей обязанности и не остановлю вас. От имени всего русского народа, который сам не в состоянии говорить с вами, я умоляю вас, ваше императорское высочество, сохранить ясность ума и чувств. Я, как сын этого народа, русский до последней капли крови, имею право и считаю своей обязанностью напомнить вам о той ответственности, которую вы берете на себя, управляя великим государством Петра Первого. Я буду просить Господа Бога и всех святых угодников просветить разум вашего императорского высочества. Забудьте теперь о вине, о веселых попойках, которые были извинительны для бездеятельного великого князя и совершенно недопустимы для императора, берущего на себя трудную задачу управления государством.

– Какая дерзость! Что за нахальный тон! – воскликнул Брокдорф, подойдя к великому князю.

Петр был вне себя. Бессвязные, непонятные слова срывались с его дрожащих губ. Он схватился за шпагу, чтобы броситься на дерзкого, ничего не боящегося адъютанта, но графиня Воронцова удержала его.

– Погоди, – проговорила она, удерживая руку великого князя, – он прав. Нам нужно подготовиться, чтобы должным образом встретить великое событие, нам необходимо обсудить, как поступать дальше. Теперь не время веселиться и затемнять вином свой разум.

С этими словами графиня поставила на стол свой нетронутый бокал.

– Но как он смеет приказывать мне? – продолжал негодовать великий князь. – Если он даже тысячу раз прав, то все же он не смеет противоречить мне, сопротивляться моей воле. Кто не исполняет моей воли – воли монарха, – того я разобью так же, как этот стакан.

Петр вырвал бокал из рук Гудовича и бросил его на пол. Послышался звон разбитого стекла, и вино разлилось по паркету.

Как бы облегчив свое сердце этим поступком, великий князь глубоко перевел дыхание и несколько минут стоял молча и потупившись.

В коридоре слышались быстрые шаги, и в комнату вошел взволнованный Лев Нарышкин²².

– Панин²³ желает видеть вас, ваше императорское высочество! – доложил он.

– Ага, являются! – воскликнул Петр с довольной улыбкой (от его недавнего гнева не осталось и следа). – Я так и знал: стоит взойти солнцу – и всем им захочется погреться в его лучах. Ну, пусть войдет!

Нарышкин ввел Панина в салон и предусмотрительно запер за ним дверь.

Панин, в течение многих лет бывший в немилости у русского правительства, жил некоторое время в Швеции, откуда был выписан Елизаветой Петровной для воспитания Павла Петровича. Когда он вернулся в Россию, ему было уже около сорока лет. Высокая, представительная фигура Панина вполне соответствовала его тонким, благородным чертам лица, которое привлекало выражением горделивого сознания собственного достоинства и холодной учтивости. На придворном костюме Панина красовался орден Александра Невского²⁴. Несмотря на то что императрица выказала теперь особенную милость Панину, назначив его воспитателем любимого внука, она не решалась еще пожаловать Панину высший орден Андрея Первозванного, что очень оскорбляло тщеславного вельможу. На голове Панина был огромный парик, искусно причесанный, с тремя спускающимися вниз косами, вызывавшими всеобщие насмешки и придававшими воспитателю маленького великого князя чрезвычайно своеобразный вид.

– Что скажете, Никита Иванович? – спросил Петр. – Вероятно, вы пришли ко мне, чтобы просить оставить вас и впредь воспитателем моего сына? Если бы не то обстоятельство, что вы почитаете короля прусского и его величество, как мне известно, ценит вас, то я, конечно, послал бы вас к черту.

Панин с некоторым удивлением и холодным спокойствием смотрел на великого князя.

– До сих пор, ваше императорское высочество, – вежливо возразил он, – я обязан был давать отчет лишь ее императорскому величеству государыне императрице. Мне думается, что и теперь лишь от нее одной зависит оставить или устранить меня от моей высокой должности.

– Да разве императрица не умерла? – испуганно воскликнул Петр, и мертвенная бледность разлилась по его лицу.

Брокдорф поспешил снова спрятаться в угол.

²² **Нарышкин** Лев Александрович (1733–1799) – двоюродный племянник Петра I, обер-шталмейстер, фаворит Петра III, добровольный шут при Екатерине II, легендарный балагур и остро слов, каноник «общества незнющих», в которое помимо него и императрицы входили А. И. Шувалов и А. С. Строганов, образованнейшие люди своего времени. Свое «незнание» они противопоставляли науке «слишком» знающей, зашоренной, педантской.

²³ **Панин** Никита Иванович (1718–1783) – дипломат, воспитатель Павла I, сторонник конституционной монархии, свои проекты пытался осуществить и при воцарении Екатерины II (см. роман Г. Самарова «Адъютант императрицы») Руководил внешней политикой России с 1763 по 1781 г.

²⁴ **Александра Невского орден** – введен в 1725 г. Полагались красная кавалерственная лента через плечо и украшенная бриллиантами звезда.

– С ее императорским величеством сделался легкий обморок, когда она сидела в ложе театра, – ответил Панин, – кажется, государыне теперь лучше благодаря стараниям доктора Бургава²⁵.

Петр задрожал и не был в состоянии произнести ни слова, а графиня Воронцова должна была ухватиться за стол, чтобы не упасть. Один только Гудович сохранил полное присутствие духа, и насмешливая улыбка притаилась в уголках его рта.

– Конечно, – продолжал Панин, – судя по словам доктора и слабому организму ее императорского величества, едва ли можно надеяться на полное выздоровление государыни; вот почему я и счел своей обязанностью явиться к вам, доложить о том, что происходит во дворце, и предложить к услугам вашего императорского высочества свой опыт и добрый совет.

– На что мне ваш совет, когда императрица еще жива! – грубо ответил Петр.

– В такие минуты, как настоящая, – возразил Панин, – необходимо заранее подготовиться к грядущим событиям. Может быть, Господь особенно милостив к вашему императорскому высочеству, давая вам возможность собраться с силами, поразмыслить о том, что вас ожидает.

– Никита Иванович прав, – вмешалась в разговор графиня Воронцова. – Но вот что поражает меня, – прибавила она, боязливо оглядываясь, – как это решаются говорить о смерти ее императорского величества раньше того, чем совершилось это печальное событие? Вдруг кто-нибудь может узнать об этом разговоре...

– Если я, как воспитатель вашего августейшего сына, – обратился Панин к великому князю, бесцеремонно перебивая речь Елизаветы Романовны, – решаюсь заговорить с вами об этом важном вопросе, то, конечно, у меня имеются весьма основательные причины. Само собой разумеется, что необходимо соблюдать самую строгую осторожность в этом деле. Вот почему я почтительнейше прошу вас, ваше императорское высочество, удалить из комнаты всех посторонних, не имеющих права участвовать в нашей деловой беседе.

Брокдорф, считавший для себя опасным слушать такие речи, успел незаметно выскользнуть из комнаты, но графиня Воронцова не двинулась с места и вызывающе смотрела на Панина.

– Здесь нет никого из посторонних, – заметил Петр, – своему адъютанту я вполне доверяю, хотя он сегодня и позволил себе дерзость, графиня Елизавета Романовна – мой лучший друг, а что касается этого господина, – прибавил он, – то рекомендую вам барона Бломштедта, голштинского дворянина, за верную преданность которого ручаюсь.

Панин поклонился в сторону барона холодно и высокомерно и возразил:

– Не сомневаюсь в преданности барона вашему императорскому высочеству, но тем не менее не нахожу возможным говорить в его присутствии о государственных делах России, несмотря даже на национальный русский костюм этого господина. То же самое я принужден сказать и о графине Воронцовой. Я не признаю ее права присутствовать здесь и слушать мой совет, который вы, ваше императорское высочество, может быть, пожелаете милостиво принять.

– Однако вы говорите очень странным тоном! – воскликнул великий князь. – Когда я буду императором, то могу назначить барона фельдмаршалом или министром и он будет иметь столько же прав в России, сколько и вы. Что касается графини, то она мой самый близкий, самый дорогой друг. Когда власть перейдет в мои руки и я буду так же могуществен, как мой дед, Петр Великий, я отправлю принцессу ангальтцербстскую, навязанную мне в жены, за границу, а сам женюсь на Елизавете Романовне и сделаю ее императрицей. Будьте же осторожны в своих выражениях! А затем говорите то, что хотели сказать, как видите, присутствие графини Воронцовой не может нам мешать.

²⁵ **Бургав** Георг (1705–1763) – сын и племянник известных врачей, обучался в Лейпциге, в Россию приехал при Анне Леопольдовне, с 1748 г. первый лейб-медик и главный директор медицинской канцелярии.

Возлюбленная великого князя положила свою руку на руку Петра Федоровича и высокомерно посмотрела на Панина. Барон Бломшtedт смущенно потупил взор.

– Ваше императорское высочество! Вы, конечно, будете делать то, что подскажет вам ваша совесть и что вы в состоянии будете выполнить, – спокойно возразил воспитатель Павла Петровича. – А теперь позвольте мне удалиться, так как в присутствии графини Воронцовой я не скажу ни слова. Затем я очень советовал бы вам, ваше императорское высочество, испытать свои силы: действительно ли вы в состоянии выполнить то, что сделал Петр Великий?

– Ступайте, ступайте с Богом! – вмешалась разозленная Елизавета Романовна. – Мы поступим так, как найдем нужным.

Панин поклонился великому князю и, даже не взглянув на его возлюбленную, направился к дверям.

Гудович быстро подошел к смущенному Петру Федоровичу и решительно произнес:

– Выслушайте Панина, ваше императорское высочество! Мне кажется, он прав и желает вам добра. Затем это вас ровно ни к чему не обязывает, ведь вы властны поступать как угодно.

Великий князь робко взглянул на графиню Воронцову.

– Тогда уйди лучше, Романовна, – наконец сказал он, – ты видишь, Никита Иванович ни за что не хочет говорить в твоём присутствии.

– Так вот ваши обещания! – воскликнула Воронцова, бросая на Панина молниеносные взгляды. – Так вот ваши обещания! – обратилась она к Петру Федоровичу. – Вы еще не успели вступить на первую ступеньку трона, а уже изменяете мне, бросаете меня? Так-то вы держите свое царское слово?

– Прежде всего нужно сделаться царем, – возразил Гудович, – и мне кажется, что хотя вы, ваше императорское высочество, и стоите очень близко к трону, но между вами и им находится еще целая пропасть.

Смущение великого князя, как и всегда бывало в подобных случаях, перешло во внезапный гнев.

– Когда я буду императором, – громко крикнул он, топнув ногой о пол, – то потребую от всех беспрекословного повиновения и прежде всего буду строг к близким мне людям. Ступай вон отсюда, Романовна! Я тебе приказываю это. Может быть, ты тоже собираешься изображать из себя властелиншу, думаешь руководить мною, как Екатерина? Тогда не стоит менять одну на другую.

Графиня Воронцова прекрасно изучила характер великого князя и знала, что малейшее противоречие выведет его из себя, поэтому, больше не говоря ни слова, она вышла из комнаты, бросив на Панина взгляд, полный ненависти.

– Вас, барон Бломшtedт, я прошу пока оставить дворец, – обратился затем Петр к своему гостю. – Ждите спокойно последующих событий! Будьте уверены, – продолжал он, протягивая руку барону, – что я никогда не забуду той минуты, когда имел удовольствие познакомиться с вами. Ваш герцог навсегда останется вашим другом, даже и тогда, когда станет императором всероссийским. Проводите барона, Федор Васильевич! – обратился он к Гудовичу. – Я боюсь, чтобы дворцовая стража в коридоре не задержала его.

Бломшtedт низко склонился пред великим князем, глубоко растроганный милостивыми словами будущего императора, с которым познакомился при таких странных обстоятельствах. Затем он прицепил свою искусственную бороду и вышел в сопровождении адъютанта.

Гудович беспрепятственно проводил барона, так как стража, услышав о смерти императрицы, не решалась задерживать кого бы то ни было, а затем вернулся к великому князю, который в полном изнеможении бросился в кресло и ждал, что скажет ему Панин.

– Вы, ваше императорское высочество, – спокойно начал Никита Иванович, – конечно, законный наследник престола, но вам так же хорошо, как и мне, известно, что многочисленные враги боятся вашего царствования и стараются как-нибудь отстранить вас от престола. Первое

условие для достижения престола – это открытый, видимый для всего народа, мир с императрицей. Вы знаете, что по закону, изданному Петром Великим, императрица имеет право даже за минуту до смерти назначить другого наследника. Несомненно, что этим правом воспользуются ваши враги и убедят народ, даже не стесняясь ложным манифестом, что в последнюю минуту императрица изменила свое первоначальное намерение и назначила наследником престола не вас, а кого-нибудь другого.

– Никита Иванович совершенно прав, – вмешался в разговор Гудович, – я знаю, что нечто в таком роде уже пробовали сделать, и этому легко поверят народ и войско.

– Вы знаете, ваше императорское высочество, – продолжал Панин, – что императрица не особенно жалуется вам и ее действительно не трудно было бы убедить передать престол кому-нибудь другому, если бы она не была так привязана к вашему августейшему сыну и не думала закрепить таким образом престол за ним. Ваш разрыв с августейшей супругой – если о нем будет всем известно – не пройдет бесследно для великого князя Павла Петровича, и это обстоятельство может заставить императрицу сделать выбор между вами и великой княгиней и решить дело не в вашу пользу. Духовенство и войско не любят вас, и, таким образом, нет ничего легче, как отстранить вас от престола. Открытый мир с государыней возможен лишь тогда, когда вы рука об руку с великой княгиней явитесь пред государыней императрицей и убедите ее, что слухи о вашем разрыве не верны и у вас нет ни малейшего намерения лишать августейшего ребенка матери.

Петр Федорович опустил голову вниз и задумался над словами Панина.

– Никита Иванович прав, – снова воскликнул Гудович. – Вы, ваше императорское высочество, должны вместе с великой княгиней подойти к постели императрицы, доказать ей, что исполняете ее волю, и таким образом помешать своим врагам составить подложное завещание. На этот раз интересы ваши и вашей августейшей супруги совершенно совпадают. Не давайте своим врагам орудия в руки, не допускайте, чтобы имена великой княгини и ее сына служили знаменем возмущения.

– Ты так думаешь, Федор Васильевич? – спросил Петр. – Да, да, ты прав. Солдаты и попы не любят меня и наверно восстаноят против меня сына. Что же делать? – обратился он к Панину.

– Если вы, ваше императорское высочество, покажетесь пред государыней с августейшей супругой и великим князем Павлом Петровичем в присутствии многочисленных свидетелей и получите от умирающей императрицы благословение, то трон останется за вами без всякого кровопролития. В России существуют два пути, две силы, на которые монарх может опереться. Первая из них – армия, то есть преимущественно гвардейские полки, расположенные в Петербурге. Этот путь не особенно благоприятен для вас: во-первых, вы малопопулярны среди армии, а во-вторых, зависимость от нее слишком тяжела. Императору, возведенному на престол войском, очень трудно восстановить дисциплину среди армии. Вторая сила – это Сенат, собрание высших, заслуженных сановников Российской империи. В царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны Сенат почти бездействовал, но это старинный национальный институт, народ верит ему, и каждое слово, сказанное в Сенате, имеет значение для всех. Если вы, ваше императорское высочество, пожелаете следовать моему совету, то я рекомендую вам получить корону непосредственно от Сената. Только тогда она будет прочно держаться на вашей голове и даже у армии не явится желания оспаривать ваши права на престол. Этот путь, ваше императорское высочество, по моему мнению, единственно верный и самый почтенный. Всякий другой, если бы он даже привел к желанной цели, я считал бы недостаточно верным, так как нельзя было бы поручиться за дальнейшие последствия.

– Да, да, – подтвердил Петр Федорович с прояснившимся лицом, – мне кажется, что в ваших словах есть доля правды. Да, мой трон должен иметь поддержку в народе, а никак не в армии. Я вовсе не желаю быть императором по милости гвардии. Да, вы правы, Никита

Иванович, – прибавил он, расхаживая по комнате большими шагами. – А что ты думаешь на этот счет? – обратился он к своему адъютанту, останавливаясь перед ним.

– Я согласен с мнением вашего императорского высочества, – ответил Гудович, – Никита Иванович прав, и путь, предлагаемый им, наиболее почтенный и верный.

– Допустим, что это так, – сказал Петр Федорович. – Но каким образом расположить к себе Сенат, в котором много моих врагов? Да притом он уже давно не собирается.

– Я берусь устроить все это, – возразил Панин. – Я уже говорил с многими сенаторами; большинство из них за вас, а остальные не посмеют мешать им. Все они с радостью воспользуются случаем возвести Сенат на ту высоту, на которой он был раньше, вновь призвать его к политической жизни. Я позабочусь о том, чтобы Сенат собрался именно в ту минуту, когда государыня императрица испустит последний вздох. Вам, ваше императорское высочество, нужно будет явиться в собрание и провозгласить себя там императором; в Сенат же должны прийти командиры полков и там принять присягу. Сенат я беру на себя и ручаюсь за успех. Вы, ваше императорское высочество, должны забыть в эту минуту все прошлое и стремиться сейчас лишь к одной определенной цели. Я советовал бы вам немедленно отправиться к своей августейшей супруге и тайно переговорить с ней о том, что я только что имел честь докладывать вам. Великая княгиня умна и находчива, она придумает способ, как помириться с императрицей. Но только поторопитесь, ваше императорское высочество! Положение государыни таково, что ей, может быть, осталось жить лишь несколько часов.

– Моя супруга – не друг мне, – задумчиво проговорил Петр Федорович, – надо сознаться, что она имеет достаточно оснований для этого.

– Как вам, ваше императорское высочество, так и великой княгине стоит постараться, чтобы совместно получить корону, которая должна блистать на ваших головах, – сказал Панин. – Всякие мелочи, всякие неприятности должны ступеваться перед важностью момента. Но, повторяю, поторопитесь!.. Время не терпит.

– Да, ваше императорское высочество, не теряйте времени, – подтвердил слова Панина Гудович, – незачем долго думать!

Петр Федорович постепенно освобождался от своей нерешительности. Его лицо приняло спокойное, ясное выражение, и горделивая отвага промелькнула в глазах.

– Да, корона стоит того, чтобы похлопотать о ней, и я покажу себя достойным ее. Идите, Никита Иванович, и устраивайте дело с Сенатом, а я тоже не стану терять время. Теперь я вижу, что вы – мой верный друг и прекрасный советчик, за что очень благодарю вас. Когда я буду императором, то никогда не забуду этой минуты. Я всегда буду помнить, кто дал мне самый лучший совет и помог подняться на первые ступени трона. Как это приятно, когда новый император сразу знает, кого ему следует назначить первым министром!

Невольное удовольствие осветило всегда холодное, равнодушное лицо Панина. Он поцеловал руку великого князя и твердыми шагами вышел из комнаты.

«Романовна будет сердиться, – подумал Петр с легким вздохом, – но ничего не поделаешь. Она должна научиться повиноваться своему императору. Ну, а теперь отправлюсь к своей жене. Ради короны можно принести какую угодно жертву».

V

В то время как Панин старался освободить великого князя от влияния графини Воронцовой, события во дворце не прошли бесследно и для великой княгини. Екатерине Алексеевне уже было в описываемый момент тридцать два года, но по ее стройной фигуре, блестящим темно-синим глазам и живому, красивому, подвижному лицу ей нельзя было дать более двадцати пяти лет. Немилость императрицы заставляла великую княгиню вести замкнутый образ жизни, и Екатерина посвящала почти все свое время разным видам искусства, увлекаясь преимущественно книгами философского содержания. Великая княгиня сидела в своей спальне – большой комнате, обитой серой шелковой материей. Шторы были спущены, густой мягкий ковер заглушал шаги, а лампа, спускавшаяся с потолка, освещала комнату ровным, нежным светом. В нише помещалась большая кровать, скрытая тяжелыми занавесками. Откинувшись на спинку кресла, стоявшего у камина, она читала книгу, и по ее оживленному лицу видно было, что абстрактные выводы философа очень интересовали ее. По временам она опускала книгу на колени и задумчиво смотрела на пламя топившегося камина. Эта уютная комната и прекрасная, погруженная в книги женщина производили впечатление такой тишины и покоя, даже просто не верилось, что тут, в непосредственной близости, решается судьба целого государства, что страшная борьба на жизнь и смерть идет между многими людьми, интересы которых столкнулись между собой.

Великая княгиня снова опустила книгу на колени, задумавшись над только что прочитанной фразой. Вдруг ее уха достиг какой-то смутный гул, напоминавший отдаленный шум моря. Она подняла голову и начала прислушиваться; легкая тревога отразилась на ее лице.

«Кажется, сегодня собрание во дворце, – подумала Екатерина, – до сих пор императрица всегда приглашала нас на свои собрания, хотя бы ради того только, чтобы в присутствии всех показать нам свою немилость и дать таким образом сильнее почувствовать ее. Теперь она считает лишним даже и такое приглашение. Да, несомненно, удар, который готовят нам наши враги, не замедлит опуститься на наши головы. Великий князь не создан для короны, ему не удержать ее. Да и лучше ли было бы для меня, если бы мой муж оказался на троне? Где, где они, эти мечты о могуществе и величии? Для чего я пожертвовала им все счастье любви? Напрасно я старалась сохранить ясность мыслей, мужество духа: для чего все это нужно? Человеку, с которым связала меня судьба, никогда не понять меня и моих стремлений! Молодость уходит, и даже надежда, которая, как говорят, сопровождает людей до могилы, и та отвернулась от меня. Одиночество и унижение – вот мой удел! Нет, нет! – внезапно переменяла она свои мысли. – Будь что будет, а я не позволю унижить себя, я сама поднимусь высоко и, уважая себя, сама заставлю и слепую толпу уважать меня. А впрочем, для чего все это? Сколько силы и труда потратил философ, написавший эту книгу, для того, чтобы познать человека и его зависимость от природы и других внешних условий существования! Стоит ли человеческая жизнь такой большой работы? В молодости она представляется нам высокой горой, вершина которой покрыта роскошными цветами и свежим зеленым лесом; в недрах горы нам чудятся золото и дорогие камни, но, добравшись до вершины, мы находим вместо цветов глубокий снег и лед, а вместо золота – мусор».

Великая княгиня глубоко вздохнула и опустила голову на грудь.

В комнату вбежала взволнованная камеристка.

– Что случилось? – спокойно и равнодушно спросила Екатерина Алексеевна. – Кажется, во дворце собрание? Я нахожу, что гораздо лучше, что нас не пригласили. Мы избавлены, по крайней мере, от недоброжелательных взглядов и новых унижений.

– Нет, ваше императорское высочество, во дворце не собрание, – ответила камеристка, вся дрожа от испуга, – а сюда созваны войска. Всюду расхаживают преображенцы и измай-

ловцы. Государыня императрица в театре; она велела актерам играть для нее одной и взяла с собой лишь великого князя Павла Петровича. По приказанию государыни императрицы были спешно вызваны Преображенский и Измайловский полки. Нет, ваше императорское высочество, здесь затевается что-то недоброе и вы не должны оставаться в бездействии.

– Что же, по-твоему, я должна делать? – спросила Екатерина Алексеевна, пожимая плечами.

– Если бы вы, ваше императорское высочество, согласились убедить своего августейшего супруга показаться вместе с вами в ложе императрицы, – ответила камеристка, – то никто не решился бы...

– На что не решился бы? – нетерпеливо прервала великая княгиня.

– Никто не решился бы отстранить от престола его императорское высочество Петра Федоровича и провозгласить будущим императором вашего августейшего сына.

Екатерина вскочила с места, ее лицо оживилось, а глаза заблестели.

– Ты думаешь, что собираются провозгласить императором моего ребенка? – воскликнула она. – Неужели об этом говорят во дворце?

– Не только во дворце, об этом говорит весь свет! – возразила камеристка. – Все утверждают, что государыня императрица позвала в театр гвардейцев для того, чтобы показать им маленького великого князя, объявить его будущим императором и заставить присягнуть ему, как наследнику престола. Что касается вашего августейшего супруга, то говорят, что государыня императрица собирается отправить его обратно в Голштинию.

– Так вот что говорят! – воскликнула великая княгиня. – Что же, это вполне возможно, и, если бы действительно случилось, я была бы спасена. Новые надежды возникли бы в моей груди.

– Как? Вы были бы спасены, если бы вашего августейшего супруга отстранили от престола? – с удивлением спросила камеристка.

– Да, – подтвердила та. – Мой супруг – прежде всего герцог голштинский, и его можно всегда выслать из России, но если голову моего ребенка украсит корона, то я, как мать императора, являюсь почти священной особой для русского народа. Посадив моего сына на престол, меня не могут изгнать, не могут оскорбить, так как, унижая мать императора, оскорбляют его самого. Понимаешь ты это? Могут пока делать со мной что угодно, но, как только мой сын станет императором, я все-таки буду после него первым лицом в государстве. Да, если такое событие ожидается, я должна быть готова к нему. Мое место теперь возле своего сына, и никто не может отнять у меня это право. Скорей, скорей! Дай мне придворный костюм!..

Камеристка повиновалась.

Екатерина быстро сняла с себя домашнюю блузу и надела на себя богатый костюм, отделанный горностаем и расшитый драгоценными камнями. Через плечо она повязала Екатерининскую ленту и приколотила орден к груди.

– Пойди теперь в покои государыни и послушай, что там говорят, – обратилась она к камеристке, – постарайся узнать, что происходит в театре, и, как только что-нибудь узнаешь, беги сюда!..

Камеристка поспешила исполнить приказание.

Екатерина остановилась посреди комнаты, напряженно прислушиваясь к каждому звуку. Ее глаза блестели, она чувствовала внезапный прилив сил.

Дверь снова открылась, она нетерпеливо оглянулась, ожидая увидеть камеристку, но вместо нее вошла женщина, вся закутанная в длинную шубу. У Екатерины невольно вырвался крик изумления.

Вошедшая женщина оказалась княгиней Екатериной Романовной Дашковой²⁶, дочь графа Романа Илларионовича Воронцова²⁷, и родной сестрой возлюбленной великого князя. Как бы желая вознаградить великую княгиню за все страдания, причиняемые ей Елизаветой Романовной, княгиня Дашкова была ей бесконечно предана. Юной княгине исполнилось всего восемнадцать лет, но, несмотря на это, она была уже три года замужем. Во всем облике княгини Дашковой проглядывало что-то детское, только в больших лучистых глазах видна была недетская серьезность: они зорко и пронизательно смотрели на людей и окружающие предметы, не теряя в то же время выражения ясности и доброты.

Когда Екатерина Романовна вошла в комнату великой княгини, ее лицо было бледно, а глаза лихорадочно блестели; роскошные каштановые волосы были небрежно связаны узлом на затылке.

Екатерина, узнав свою гостью, быстро пошла ей навстречу и обняла ее.

– Каким образом вы очутились здесь, княгиня? – спросила она радостным голосом. – Мне говорили, что вы серьезно заболели. Разве вы не получили моего письма, в котором я просила вас беречь свое здоровье? Я собиралась завтра ехать к вам, чтобы узнать, как вы поживаете.

Княгиня еле дышала от волнения и слабости, она сбросила с себя тяжелую шубу и оказалась лишь в одном батистовом пеньюаре, а ее голые ноги чуть прикрывались красными кожаными туфельками, расшитыми золотом.

– Боже мой, в каком вы costume! – воскликнула Екатерина Алексеевна. – Как вы могли в такой холод выехать в подобном виде?

– Я немного простудилась, – ответила княгиня Дашкова, – и доктор уложил меня в постель, но, узнав, что происходит во дворце, я не могла оставаться в своей комнате и полетела к вам в таком виде, в каком была дома. Правда ли, что государыня императрица призвала во дворец гвардию? Это дурной признак, даже опасный, и прежде всего опасный для вас и вашего августейшего супруга, – продолжала княгиня. – Понятно, что, когда мне сообщили эту новость, я не могла оставаться спокойно в постели. Знать, что вы находитесь в опасности, и не быть с вами!.. Разве это возможно? Разве существуют такие болезни, которые могли бы удержать меня в ту минуту, когда вы, может быть, нуждаетесь в моих услугах? Мой дух, моя воля сильнее физических страданий, я преодолею их и буду вместе с вами бороться со злом, которое хотят причинить вам, или же погибну вместе с вами.

Глаза великой княгини наполнились слезами, глубоко растроганным взглядом смотрела она на нежную, хрупкую фигурку.

– А я отчаивалась, теряла веру в людей, – взволнованно проговорила Екатерина. – Да разве можно мрачно смотреть на будущее, когда имеешь такого друга, когда такое благородное сердце принадлежит тебе? Но, боже, княгиня, вы дрожите, вы шатаетесь! Вы убьете себя из любви ко мне. А что на свете может мне заменить вашу дружбу?

Она обняла молодую женщину, которая так дрожала от лихорадочного озноба, что у нее не попадал зуб на зуб.

– Что за несчастная натура! – проговорила Дашкова, сжимая руки. – Неужели сила духа не может победить физическую слабость?

– Скорее, скорее ложитесь в постель! – с тревогой сказала Екатерина Алексеевна. – Вы можете так умереть.

Она подвела княгиню к своей кровати, откинула занавес и, подняв, как ребенка, на руки, опустила на мягкие подушки, прикрыв ее до самого горла пуховым одеялом.

²⁶ **Дашкова** Екатерина Романовна (1743–1810) – будучи «душой» заговора 1762 г. в пользу Екатерины, потом стала в оппозицию и десять лет провела за границей. С 1783 по 1796 г. директор Петербургской академии наук и президент Российской академии.

²⁷ **Воронцов** Роман Илларионович (1707–1783) – брат канцлера, сенатор. Использовал безнаказанность своего положения как отец фаворитки Елизаветы Воронцовой, за что получил кличку: Роман – большой карман.

Несколько минут Екатерина Романовна лежала молча, полужакрыв глаза. Озноб становился все слабее и наконец совсем прекратился.

– Ну, вот силы опять возвращаются ко мне, – проговорила она, облегченно переводя дыхание, – теперь я снова могу думать и говорить. Я поборю слабость жалкого тела и до своего последнего вздоха не покину надежды работать с вами и за вас.

Екатерина наклонилась и поцеловала ее в лоб.

Опять послышался отдаленный глухой гул; он стал приближаться и становился все громче. Великая княгиня прислушивалась к нему с большим беспокойством.

Дверь сильно рванули – и на пороге показалась взволнованная и возбужденная камеристка.

– Государыня умерла, – громко воскликнула девушка, – сейчас ее вынесли из ложи. Все потеряли головы, не знают, что им делать!

Екатерина опустилась на стул, стоявший рядом с постелью.

– Теперь все погребло, – проговорила она с глубоким вздохом. – Государыня не успела провозгласить наследником моего сына, и теперь я никогда не буду матерью императора. На престол вступит Петр Федорович и прежде всего постарается освободиться от меня.

– Этого не может быть! – воскликнула Дашкова, приподнимаясь с подушек и приводя камеристку в страшное изумление своим присутствием, – этого не может быть!.. Я первая подговорю народ столкнуть с престола мою заблудшую сестру. Но если государыня действительно умерла, то нам нечего медлить, нам незачем здесь оставаться. Наше место на улице, среди народа. Мы должны искать поддержки в казармах, у солдат. Если вас признают там императрицей, то и здесь все склонят головы пред вами. Умоляю вас, не медлите больше ни минуты! Наденьте мою шубу и поезжайте к войскам!.. Мой муж предан вам, он поедет с вами в гвардейские казармы, там теперь ваше место, вы сможете вполне положиться на гвардию.

– Да, вы, пожалуй, правы, – промолвила Екатерина Алексеевна. – Но как же я оставлю вас в таком положении?

– Ради бога, не думайте обо мне! Уезжайте, скорее, скорее! – упрашивала Дашкова.

Екатерина Алексеевна накинула ее шубу и направилась к выходу, но в это время дверь отворилась и на пороге показался граф Иван Иванович Шувалов.

Изумленная великая княгиня отшатнулась назад, а Екатерина Романовна быстро опустила занавес у кровати, чтобы остаться незамеченной и иметь возможность видеть и слышать то, что будет происходить в комнате.

– Государыне императрице только что сделалось дурно, – сообщил граф, – и ее императорское величество перенесли из театра в опочивальню. Врачи считают этот припадок очень серьезным.

Екатерина быстро оправилась. Иван Иванович Шувалов всегда принадлежал к числу ее врагов, и она не могла ожидать, чтобы в настоящую минуту он пришел к ней с добрыми вестями.

– Я услышала вопли горя, – сказала она холодным тоном, – даже кричали, что императрица умерла, и я собиралась выйти осведомиться, правда ли это, что Россию постигла такая тяжкая скорбь.

– Государыня императрица не умерла, – возразил Шувалов, с непоколебимой твердостью выдерживая подозрительный взгляд великой княгини, – в этом вы, ваше императорское высочество, можете убедиться в любую минуту. Пожалуй, даже ни ближайшие часы, ни ближайшие дни не угрожают опасностью ее жизни, тем не менее – это я не могу скрыть от вашего императорского высочества – весьма возможно, что тот горестный вопль в скором времени должен превратиться в действительность. Припадок, случившийся с ее императорским величеством, по словам врачей, повторится, и тогда он будет смертелен.

Екатерина молча потупила голову, а потом посмотрела на графа таким взглядом, который как будто допытывался о цели его посещения.

– Государство, – сказал граф Шувалов, – переживает тяжелый и серьезный кризис. Долг всех добрых патриотов подготовить все, чтобы он благополучно миновал; и я пришел сюда с целью просить вас, ваше императорское высочество, о содействии.

– О содействии? – насмешливо спросила она. – Неужели после такого долгого забвения вспомнили наконец, что я еще существую здесь, что у меня также есть обязанности и права в России? Это меня удивляет! А еще более удивляет меня, граф, что в вас, по-видимому, первом пробудилось воспоминание о великой княгине, которой до сих пор вы уделяли так мало места в своей памяти.

Граф спокойно выдержал эту насмешку.

За пологом кровати послышался легкий шум, точно кто-то слегка хлопал в ладоши.

Екатерина поняла, что княгиня Дашкова подает ей знак одобрения.

– Ваше императорское высочество! Вы несправедливы ко мне, – возразил Шувалов. – Вам хорошо известно, что я был не более как слугою ее императорского величества, и это принуждало меня согласоваться во всем с волею и мнением государыни императрицы. Но теперь вы убедитесь, что я – ваш друг и отлично сумею в решительную минуту вспомнить, какие права и обязанности подобают вам, какие высокие услуги призван оказать русскому государству ваш богатый ум.

Губы великой княгини снова сложились в насмешливую улыбку, она кивнула графу, чтобы он продолжал.

– Теперешнее положение дел, – снова начал тот, – требует быстрых и решительных действий. Вступление на престол великого князя невозможно: духовенство и армия одновременно воспротивились бы его воцарению; мне нет надобности объяснять это вам, ваше императорское высочество, государыня императрица была уверена в этом и решила изменить свои прежние намерения относительно передачи престола великому князю. Может быть, болезнь помешает ей изъяснить свою волю по этому предмету, но нам, советчикам ее императорского величества, известно ее решение. Мы своею подписью можем удостоверить пред целым миром, что она собиралась исполнить его. Мы можем достоверно подтвердить ее последнюю волю, и чем быстрее это произойдет, тем спокойнее минует теперешний кризис, тем менее потрясений придется пережить государству, тем в большей безопасности будет даже особа великого князя, который при иных обстоятельствах, пожалуй, был бы устранен от трона насильственным путем.

Екатерина продолжала слушать молча, но по ее глазам было заметно, что слова графа возбуждают в ней возрастающий интерес.

– По этой причине мы пришли к решению... – продолжал граф.

– Вы?.. – спросила великая княгиня.

– Да, я, мои братья и гетман Кирилл Разумовский²⁸, – ответил Шувалов, – решили тотчас собрать войска, объявить им волю государыни императрицы и велеть им провозгласить императором малолетнего великого князя Павла, сына ваших императорских высочеств.

– Ребенка? – произнесла Екатерина с холодной сдержанностью.

Она видела, что занавеси кровати слегка шевелились. В густой тени драпировок появилось лицо княгини Дашковой, которая с жаром трясла головой.

– Именно потому, что он – ребенок, у него нет врагов, – возразил граф. – Будет легко склонить в его пользу гвардейцев и народ, а его возведение на престол не нарушит порядка наследования; будет устранен только великий князь, который не мог бы утвердиться на пре-

²⁸ **Разумовский** Кирилл Григорьевич (1728–1803) – младший брат А. Г. Разумовского, в детстве пас коров; обучался в Германии и Франции, был президентом Академии наук и последним малороссийским гетманом (1750–1764), генерал-фельдмаршал, остряк и балагур.

столе; для того же, чтобы совершенно обезопасить целостность правительства, чтобы устранить всякую тень революционного переворота, будет достаточно, чтобы вы, ваше императорское высочество, стали на место вашего супруга.

– Чтобы я стала на место моего супруга? – повторила Екатерина. – Да разве это возможно? Ведь во мне не течет кровь ваших императоров.

– Зато вы – мать будущего императора, – возразил Иван Иванович, – и в качестве таковой больше всех имеете право царствовать на его месте и просвещать его своим примером до тех пор, пока он не будет в состоянии сам взять в руки бразды правления. Мы решили, согласно намерениям государыни императрицы, – прибавил он, – провозгласить вас, ваше императорское высочество, регентшей государства на время несовершеннолетия вашего августейшего сына; в вашем распоряжении будет состоять регентский совет, занять президентское место в котором находят достойным меня. Поэтому прошу вас, ваше императорское высочество, от имени и по поручению моих друзей соизволить немедленно отправиться с юным великим князем и с нами в казармы, куда только что вернулись войска. Вашему императорскому высочеству понадобится лишь показаться солдатам, ведя за руку августейшего сына. Мы же объявим волю государыни императрицы, и в несколько мгновений все будет сделано. Вы, ваше императорское высочество, при торжествующих кликах народа вернетесь регентшей обратно во дворец; великий князь, без всякой опасности для него, будет содержаться в почетном заключении, а вслед за тем его препроводят обратно в Голштинию.

Екатерина прижала руку к своему сильно бившемуся, взволнованному сердцу. Она отлично понимала, что этот план, если только он соответствовал тайным помыслам императрицы и если бы она не употребила последних своих жизненных сил на то, чтобы разрушить его, был исполним и что сопротивление, которое вздумал бы оказать Петр Федорович, осталось бы безуспешным. Она увидела вдруг совсем близко блестящую цель власти и господства, манившую ее к себе, как лучезарное видение, в продолжение долгих мрачных и тяжелых лет; ей стоило почти только протянуть руку, чтобы достичь ее. Соблазнительное искушение ослепляло, слово согласия было готово сорваться с ее уст, как вдруг она услышала тихий, точно случайный шум за драпировкой своей кровати; когда же она обернулась в ту сторону, то увидела в отверстии полога, куда не мог заглянуть со своего места граф Шувалов, княгиню Дашкову, которая все энергичнее трясла головою и делала отклоняющие жесты рукой.

Она потупилась в замешательстве; ответ замер у нее на губах. Она ломала себе голову, почему Екатерина Романовна так настойчиво предостерегает ее от принятия этого соблазнительного предложения.

Ей было суждено вскоре получить объяснение такой загадки от самого Шувалова; он, по-видимому, неправильно истолковал колебание великой княгини и сказал:

– Все подготовлено; вам, ваше императорское высочество, как я уже заметил, стоит только посетить казармы со своим августейшим сыном и показаться войскам. Акт, вручающий вам регентство, готов. Список членов регентского совета, за исключением случайных добавлений, составлен и требует только вашей подписи и подписи юного великого князя, чтобы быть немедленно обнародованным в случае смерти государыни императрицы.

Лицо Екатерины прояснилось как бы под наитием внезапной мысли.

– А где же акт? – спросила она. – Он при вас, граф?

– Он совершенно готов, – ответил обер-камергер, вынимая из кармана пергамент. – Как только мы убедимся, что войска на нашей стороне, и овладеем особой великого князя, то нам не понадобится больше ничего, и мы можем тогда ожидать решительного момента.

– Покажите мне документ, – сказала она, протягивая руку и в то же время исподтишка кидая робкий взгляд на драпировки кровати.

Когда граф подавал ей пергамент, княгиня Дашкова энергично кивнула головой, точно желая выразить великой княгине свое полное согласие, как пред тем она подавала ей знаки предостережения.

Екатерина развернула пергамент и начала внимательно прочитывать его. Все мрачнее становились ее взоры, все с большей горечью сжимались ее губы. Наконец она, возвращая графу документ, промолвила:

– Вы, граф, позаботились возложить как можно меньшую ответственность за управление государством на мои плечи. Мне кажется, что регентский совет под вашим председательством удержал за одним собою всю работу по делам правительства.

– Августейшая мать императора, – возразил граф Шувалов, – должна стоять выше всякого неудовольствия, которое могли бы время от времени возбуждать в народе отдельные мероприятия правительства; ее имя не должно быть связано с отдельными правительственными действиями, которые, при всей их обдуманности и необходимости, всегда возбуждают неудовольствие в тех или иных сферах. Понятно, – продолжал обер-камергер, – что мы, то есть я и все мои сотоварищи в регентском совете, при всех наших мероприятиях будем согласовываться с волею вашего императорского высочества и руководствоваться суждением вашего ясного и острого ума; если же мы принимаем на себя исключительную ответственность пред народом, то это делается единственно ради того, чтобы не смущать народной любви и доверия к регентше мимолетными впечатлениями отдельных законов.

Лицо Екатерины Алексеевны снова приняло выражение холодной сдержанности, с какою она встретила сначала обер-камергера.

– Благодарю вас за доверие, граф, – сказала она, – я серьезно обдумую ваше решение. Каждый шаг в данный момент до такой степени важен и влечет за собою такие тяжелые последствия, что бесповоротному решению должны предшествовать самый подробный разбор и обдумывание.

Она отдала обратно графу документ. Его брови мрачно нахмурились.

– Я имел честь заметить вашему императорскому высочеству, – сказал он, – что данный момент принуждает к безотлагательной решимости и что лишь благодаря быстроте и решительности действий кризис может благополучно миновать.

– Решительные действия, – возразила Екатерина Алексеевна, – могут вести к верному успеху лишь после зрелого размышления. Я поразмыслю, будьте уверены, что ценность времени при настоящих обстоятельствах совершенно ясна мне. Мое решение будет вскоре объявлено вам.

Графа трясло от гнева, его губы надменно дрогнули.

– Ценность времени так велика в данный момент, – резко и почти с угрозой произнес он, – что даже ни одна его крупинка не должна пропадать даром. Если вы, ваше императорское высочество, не можете решиться действовать с нами, то не удивляйтесь, когда мы примемся действовать одни и без вас.

– Я подумаю, – холодно и спокойно ответила Екатерина, тогда как княгиня Дашкова снова и на этот раз громко захлопала в ладоши, так что граф Шувалов с величайшим удивлением посмотрел в ту сторону.

Потом он повернулся с коротким поклоном, чтобы выйти из комнаты.

Однако в дверях обер-камергер почти столкнулся с великим князем, который выпустил на пороге руку Гудовича и быстро вошел в комнату.

Петр Федорович с сильнейшим изумлением взглянул на нежданного посетителя, после чего направился к своей супруге, которая с беспокойством и боязнью несколько нерешительно пошла ему навстречу.

Он с благородным достоинством, которое умел придать порою своей осанке и лицу, когда его не обуревали гнев, страх или тревожные страсти, сказал ей:

– При виде здесь, у вас, графа Ивана Ивановича Шувалова я догадываюсь, что вы уже знаете о прискорбном случае, который постиг нашу всемилостивейшую тетку и грозит государству опасностью лишиться столь мудрой и украшенной всеми добродетелями повелительницы. В настоящий момент у нас с вами одинаковые обязанности к империи и престолу, на который, хотя и с печальными чувствами, нам предстоит взойти вместе, пожалуй, в скором времени. Я пришел, чтобы обдумать с вами сообща, что должны мы делать в эту скорбную минуту, чтобы исполнить свой долг и удержать за собою свои права, – прибавил он, покосившись на графа Шувалова.

Тот был не в состоянии говорить. Его недавнее безграничное изумление сменилось яростным гневом. Все его расчеты и надежды были разрушены в этот миг, потому что они основывались на враждебном отчуждении между великим князем и его супругой. С того момента, когда Петр Федорович обнаружил такое единодушие и супружеское согласие с Екатериной Алексеевной, становилось почти невозможным предпринять что-либо в пользу юного великого князя Павла Петровича. Императрицу в ее теперешнем состоянии полного изнеможения нельзя было склонить к беспощадным и крайним мерам; вместе с тем Шувалову казалась сомнительной их отчаянно смелая затея, чтобы по их наущениям войска и народ приняли сторону юного великого князя Павла против его родителей.

Екатерина Алексеевна взяла протянутую ей руку супруга и сказала:

– Благодарю вас, что вы пришли. Вдвоем у нас достанет силы привести к благополучной развязке кризис, переживаемый государством. Граф Иван Иванович Шувалов, – прибавила она, бросая обер-камергеру успокоительный взгляд, тогда как в ее тоне слышалась легкая, еле заметная ирония, – пришел сообщить мне о внезапной болезни государыни императрицы и просил меня обсудить с вашим императорским высочеством, что подобает и предстоит нам делать в настоящем случае.

Граф Шувалов молча поклонился великой княгине. По его лицу нельзя было угадать, хотел ли он выразить этим свое согласие с ее словами или же изъявить ей благодарность за великодушный оборот их опасного разговора. Действительно, он был благодарен великой княгине, так как если бы попытка устранить великого князя от престолонаследия не удалась, то разоблачение Екатериной его коварных замыслов обрекало заговорщика на неминуемую гибель. Великая княгиня, со своей стороны, пощадив его в критическую минуту, хотя до известной степени приобретала в нем друга. Ее собственное положение было пока слишком опасно и шатко для того, чтобы увеличить без надобности число непримиримых врагов, которых у нее было немало.

– Главнейшая из всех обязанностей, которую надлежит нам исполнить, – сказал великий князь, – это идти к одру болезни нашей августейшей тетки, чтобы в качестве первых ее верноподданных изъявить ей наше глубокое, почтительное участие и просить ее благословения, дабы мы, если Господу Богу будет угодно отозвать ее, освященные и укрепленные этим благословением, могли предстать пред русским народом как его повелители.

За альковом кровати раздались легкий возглас радости и хлопанье в ладоши, которое было на этот раз так громко, что Петр Федорович, испуганный и побуждаемый любопытством, бросился в ту сторону и раздвинул драпировку.

– Вы здесь, Екатерина Романовна? – воскликнул он, пораженный такою неожиданностью при виде молодой женщины, которая поднялась с подушек и смотрела на него в радостном волнении.

– Княгиня навестила меня, – сказала Екатерина, – хотя ей сильно нездоровилось; она страшно озябла, почувствовала изнеможение, и я заставила ее лечь в мою постель, чтобы согреться.

– А я стократно счастлива, – подхватила княгиня Дашкова, – что была здесь и сделалась свидетельницей сцены, которая устраняет все заботы и опасности, потому что вам обоим в

дружном единении не сможет противиться никто, и по всей России грянет клич: «Императрица скончалась, да здравствует император». О, вы тысячу раз правы, ваше императорское высочество! – сказала она Петру Федоровичу. – За ваши слова я готова расцеловать вам руки. Да, да, первое и важнейшее для вас – это спешить к одру болезни государыни императрицы, чтобы ее императорское величество дала вам свое благословение и чтобы весь народ узнал об этом.

Граф Шувалов смертельно побледнел.

– Вы спрятались тут, княгиня? – пробормотал он. – Вы слышали...

– Я слышала, – перебила Дашкова, – то же самое, что и ее императорское высочество государыня великая княгиня, которой вы доложили о внезапной болезни ее императорского величества и предложили свои услуги. Так как в моем лице вы видите пред собою верного, преданного и покорного друга ее императорского высочества, то можете рассчитывать, что я отношусь к вам точно так же, как и великая княгиня.

Она отбросила от себя подушки и выскочила в комнату. Ее изнеможения, лихорадочного озноба как не бывало, глаза ее сверкали радостью. В своем белом батистовом одеянии, с распущенными волосами она походила на гения победы, готового ринуться навстречу всем опасностям и ниспровергнуть все преграды.

Петр Федорович казался совершенно счастливым. Такое пылкое одобрение Дашковой оживило и одобрило его слабый ум, который постоянно колебался в нерешительности туда и сюда, подчиняясь только внешним впечатлениям. Он обнял майора Гудовича, расцеловал в обе щеки и воскликнул:

– Ты прав, ты прав, Федор Васильевич! Видишь, все идет хорошо, твой совет был самым лучшим, ты самый верный друг. Итак, граф, ступайте к ее императорскому величеству и скажите, что мы желаем предстать пред нею, чтобы выразить ей наше нежное участие и попросить у нее благословения. Вы исполните одну из высочайших обязанностей своего звания, когда в эту минуту, такую чреватую последствиями, доложите государыне, которая готовится предстать пред Всевышним, о приходе наследника престола и его супруги.

– Невозможно, ваше императорское высочество, совершенно невозможно! – воскликнул сильно испуганный Шувалов. – О, вы не знаете, как ожесточена против вас государыня императрица, как далеко заходят подозрительность и недоверие к вам у ее императорского величества!..

– Как не знать! – с горьким смехом подхватил Петр Федорович. – Я знаю и чувствовал это: усердно потрудились мои недруги, хотевшие устранить меня от престола. Ведь у них хватило низости возбудить в сердце государыни императрицы подозрение в том, что немецкий государь и герцог голштинский способен даже посредством яда и кинжала проложить себе дорогу к русскому трону. Но, по-моему, граф Иван Иванович, вы самый подходящий человек для того, чтоб рассеять подозрения государыни императрицы и обратить ее сердце к тем, которые все-таки стоят к ней ближе всех.

– Невозможно, ваше императорское высочество, невозможно! – повторил граф Шувалов, боязливо отмахиваясь руками. – Тогда государыня императрица перенесет свое подозрение и недоверие на меня и, пожалуй, воспользуется своим последним вздохом для того, чтобы произнести надо мной неумолимый приговор, которого вы, ваше императорское высочество, – мрачно прибавил он, – пожалуй, не отмените при своем воцарении. При теперешнем смятении омраченного духа государыни императрицы я не осмелюсь заговорить с нею о конце ее жизни, о конце ее власти и господства, пред которым трепещет ее сердце и который встанет еще грознее и осязательнее пред ее духовными очами, когда ее императорское величество увидит своего наследника. Нет, нет, ваше императорское высочество! Я не могу это сделать, я погубил бы себя, а вам не принес бы никакой пользы. Врачи предписали крайнюю осторожность относительно августейшей больной; доктор Бургав сам запретил мне входить в ее опочивальню, так как ее императорскому величеству нужен величайший покой. Если государыня императрица

не вынесет волнения, возбужденного моим приходом и просьбой по вашему поручению, тогда лейб-медик назовет меня ее убийцей.

– В таком случае, – гордо и повелительно возразил Петр, – если вы не осмеливаетесь в данную минуту исполнять высочайшие и священнейшие обязанности своего звания, то я пойду к ее императорскому величеству без доклада. Посмотрим, осмелятся ли преградить к ней доступ мне, ее племяннику, первому августейшему лицу в государстве после ее высочайшей особы, которое, может быть, в следующий момент наденет на свою голову русскую корону и будет держать в руках власть над жизнью тех, кто до сих пор считал себя вправе презирать его и смеяться над ним. Пойдемте! – заключил он, подавая руку Екатерине Алексеевне. – Наше место у одра государыни императрицы.

Гордо выпрямившись, с горящими глазами, он направился к дверям, ведя под руку супругу.

– Идите, ваше императорское высочество! – сказал граф Шувалов, скрещивая руки. – Государыня императрица еще имеет власть и с одра болезни метать молнии, способные уничтожить также и вас.

Княгиня Дашкова бросилась навстречу великому князю, заставила его отступить назад и воскликнула:

– Нет, нет, ваше императорское высочество, вы не должны появляться пред государыней императрицей неожиданно. Это правда, она еще держит молнию в своей руке и от настоящего часа зависит ваша будущность, зависит будущность России. Есть средство, ведущее к цели и могущее дать всему счастливый оборот. Только одной власти подчиняется государыня императрица, только одна власть имеет право в настоящую минуту повелительно напомнить ей о ее обязанностях к государству и вашему императорскому высочеству. Это власть Церкви, и лишь устами служителя Церкви можно преодолеть недоверие и ненависть, наполняющие сердце монархини. Духовник ее императорского величества, отец Филарет, ожидает в приемной государыни императрицы; я видела, как он шел туда. Он может высказать ей все. Его слов она послушает, его желанию подчинится. Он один может привести вас к ней.

Глаза Шувалова вспыхнули.

– Княгиня права, – сказал он, – я поспешу уведомить отца Филарета.

– Остановитесь! – воскликнула княгиня Дашкова. – Не вам братья за это, граф. Не знаю, сумеете ли вы найти настоящие слова, чтобы убедить отца Филарета, но я их найду – я схожу за ним, чтобы привести его сюда, после чего предоставлю их императорским высочествам убедить его взять на себя посредничество между ними и ее императорским величеством. – Она проворно обула на босые ноги сброшенные ею шитые золотом туфли, а на плечи набросила шаль великой княгини и продолжала: – Ваше императорское высочество! Снимите этот голштинский мундир: наследнику русского престола подобает предстать пред умирающей государыней императрицей только в форме русской армии. Кроме того, – с тонкой улыбкой прибавила Дашкова, – прикажите подать сюда бутылку вашего самого старого и самого лучшего бургундского, чтобы отец Филарет мог достойно подкрепиться для своего трудного и важного подвига. Только возвращайтесь поскорее обратно! Ваша дальнейшая судьба зависит от настоящего момента.

С этими словами княгиня вывела великого князя из комнаты.

Граф Шувалов хотел последовать за ними, однако майор Гудович приблизился к дверям.

– Я полагаю, ваше императорское высочество, – сказал он, обращаясь к Екатерине Алексеевне, – что господину обер-камергеру будет лучше остаться здесь: он может употребить также и свое влияние на благочестивого монаха.

Граф Шувалов бросил высокомерный взгляд на адъютанта.

– Всеобщее смятение, господствующее во дворце, – сказал он, – удваивает обязанности моего звания. Прошу вас, ваше императорское высочество, отпустите меня, чтобы я мог позаботиться повсюду об успокоении взволнованных умов.

– Майор Гудович прав, – с повелительной надменностью возразила Екатерина Алексеевна. – Так как, по вашим собственным словам, у государыни императрицы вам нечего делать, то ваше место здесь, при великом князе, первом лице в государстве после ее императорского величества.

Граф Шувалов вздрогнул.

– Разве я арестован? – воскликнул он голосом, дрожавшим от гнева.

Майор Гудович положил руку на свою шпагу.

– Вы будете арестованы, – сказал он, – если вздумаете попытаться уйти отсюда вопреки приказанию ее императорского высочества.

Граф скрестил руки и остался на месте, молча потупив голову.

Екатерина Алексеевна отвернулась и в глубоком раздумье перелистывала сочинение по философии Вольфа²⁹, которое читала незадолго пред тем в совершенно ином настроении и с совершенно иными чувствами.

Между тем майор Гудович по-прежнему стоял навьтяжку у дверей, держась за рукоять своей шпаги.

²⁹ **Вольфа сочинения** – Вольф Христиан (1679–1754) – немецкий философ-идеалист, сторонник рационализма, популяризатор идей Лейбница, его взгляды господствовали до появления критической философии Канта.

VI

В непосредственной близости к покоям государыни, отделенная только промежуточным салоном от гостиной и опочивальни императрицы, помещалась комната с окнами во двор, устроенная для пребывания духовника Елизаветы Петровны.

Государыня, всю свою жизнь соблюдавшая обряды Церкви с суеверной строгостью, удвоила усердие к своим религиозным обязанностям, когда почувствовала, что старость и болезнь с каждым днем все более и более расшатывают ее организм, а смерть, эта могущественнейшая и неумолимейшая повелительница земного мира, подходит к ней все ближе и ближе. Стараясь шумными праздниками рассеять боязнь неизбежного конца жизни своей и своего господства, твердо держа робкою рукою скипетр власти, чтобы обмануть свет, а может быть, также и себя насчет ее предстоящей потери, она в то же время ревностно стремилась втайне приготовиться к будущей жизни, где ей предстояло отдать отчет в своих земных деяниях.

Ежедневно должен был ее духовник приезжать из Александро-Невской лавры в Зимний дворец. Здесь для него была приготовлена комната, в которой он оставался до той поры, пока государыня чувствовала потребность облегчить совесть исповедованием своих грехов и услышать от служителя Церкви ручательство в милостивом прощении небес. Жизнь Елизаветы Петровны непрерывно протекала между показною пышностью царского блеска и сокрушительными подвигами молитвы и покаяния, и нередко случалось, что во время самых роскошных придворных празднеств или бесцеремонных ужинов, к которым она приглашала самых близких друзей, государыня внезапно удалялась к себе в покои и, стоя на коленях пред духовником, с раскаянием обвиняла себя в грехах, чтобы посредством покаянной молитвы, которую он ей прочитывал, удостоиться заступничества святых угодников и прощения от Бога.

Пока императрица после нервного припадка, постигшего ее в театре, крайне изнеможенная, потихоньку дыша, лежала в постели, возле которой находились только ее лейб-медик доктор Бургав и приближенная камеристка, отец Филарет сидел у себя в комнате в ожидании зова ее величества. Этот монах, избранный императрицей в духовники, пользовался за свое набожное рвение и силу красноречия доверием митрополита, уважением монастырской братии и большим почетом в народе. Он обладал могучей, атлетической фигурой, подвижностью и бодрой осанкою, по которым нельзя было догадаться, что ему уже под семьдесят лет, если бы ниспадавшие на плечи волосы и густая борода, почти по пояс, не говорили своей серебристой сединой о преклонном возрасте. Лицо отца Филарета, с крупными чертами, широким лбом и пухлыми губами, цвело румянцем здоровья и наряду с полным сознанием достоинства духовного сана выражало неистощимую веселость; его ясные глаза смотрели зорко и проницательно из-под густых бровей, так проницательно, точно он мог читать в сокровеннейших людских помыслах, и в них подчас вспыхивала как будто насмешливая ирония, когда монах, шагая по дворцовым коридорам, смотрел на почтительно кланявшихся ему придворных.

Колоссальный инок в черной рясе на широких плечах сидел в кресле у большого стола, стоявшего посреди комнаты. Темно-серые обои покрывали здесь стены; единственным украшением служило большое серебряное распятие, под ним возвышался аналой³⁰ с иконою святого Василия Блаженного и золотую чашей святой воды. На столе пред монахом стояли блюда с большими ломтями сочного медвежьего окорока, нежной копченой семги, салатники с солеными груздями и маринованными грибами, а рядом с ними – кувшин с квасом и графин водки. Отец Филарет, несомненно, держался того мнения, что только в хорошо упитанном теле, достаточно укрепленном для всех функций крови и мозга, может успешно действовать дух, потому что с видимым удовольствием уничтожал превосходное угощение, энергично работая вполне

³⁰ Аналой – высокий наклонный столик в церкви для богослужебных книг или икон.

сохранившимися, крепкими, как слоновая кость, зубами, и усердно запивал еду то квасом, то водкой из серебряного бокала, не отдавая особенного предпочтения ни тому ни другому. Он только что успел закусить солеными груздями рюмку можжевелевой настойки и откинулся на спинку кресла, как дверь тихонько отворилась, и в комнату вошла княгиня Дашкова.

Обернувшись в ее сторону, монах с величайшим удивлением, почти с суеверным испугом смотрел на нежную фигуру молодой, красивой женщины, которая в своей легкой белой одежде и кашемировой шали, ниспадавшей грациозными складками, появилась как чарующее, соблазнительное видение. Отец Филарет протянул свою широкую руку по направлению к медленно приближавшейся княгине и воскликнул звучным басом:

– Отступи, сатана, дух адской бездны, посланный князем тьмы, чтобы ввести меня во искушение и погубить мою душу! Сгинь! Здесь тебе не место, ты не получишь моей души, которая принадлежит небу и так же сильна противустать адским соблазнам, как была сильна душа святого Антония. Сгинь! – продолжал он, закрывая взятый им со стола требник и выставляя перед княгиней крест на его переплете. – Отступи перед святым знаменем креста и погрузись в пламенную бездну осуждения или предстань предо мною в твоём облике!.. Сбрось обманчивый вид подобия Божья, на который ты не имеешь права.

Казалось, отец Филарет действительно ожидал, что милый образ, показавшийся ему, провалится сквозь землю при его словах или примет оболочку беса, скалящего зубы; по крайней мере, он, как будто охваченный невольным ужасом, отклонился назад, когда Дашкова, вопреки его заклинаниям, приблизившись к нему, почтительно склонила голову, смиренно скрестив руки на груди, после чего коснулась губами креста на переплете требника.

– Вы видите, батюшка, – сказала она кротким, благозвучным голосом, – что я – не злой дух, а также не принадлежу к числу заблуждающихся, погибших еретиков, потому что иначе меня охватило бы адское пламя при прикосновении животворящего креста. Я православная дочь нашей святой матери-Церкви и пришла к вам с всенижайшею просьбою как избранному служителю алтаря.

Отец Филарет медленно склонился вперед, все еще сомневаясь, и коснулся широкою ладонью мягких, благоухающих волос женщины, медленно погладил он ее локоны, бормоча про себя формулу заклęcia, потом, когда прикосновение к этим шелковистым кудрям не опалило его адским огнем, когда эта восхитительно склонившаяся пред ним фигура не растворилась в воспламеняющихся серных парах, он еще раз осенил крестным знаменем ее голову и с приветливой благосклонностью произнес:

– Если ты действительно православная дочь святой Церкви, то скажи, что привело тебя ко мне. Утешение и заступничество священников всегда готово для всех сокрушенных сердец, которые ищут их с верою.

– Меня привело сюда высокое, святое дело, досточтимый батюшка, – ответила Дашкова, – которое касается не одной меня, но нашего дорогого отечества, даже святой Церкви. Великий князь Петр Федорович и его супруга Екатерина Алексеевна, которые в эту решительную минуту, угрожающую жизни государыни императрицы, жаждут божественного укрепления и просвещения, посылают меня к вам.

Лицо монаха омрачилось.

– Великий князь Петр Федорович, – сказал он, – имеет меньше прав на милосердие святой Церкви, чем самый убогий нищий в России. Государыня императрица предназначила его к тому, чтобы он управлял со временем государством. Однако в глубине своего сердца он остался чужд русскому народу: устами он исповедует истинную и непогрешимую православную веру, но его сердце – камень; из православной земли он воздвигнул алтарь чужеземным еретикам, достойным вечного осуждения, и я боюсь, что яд этой ереси наполняет его сердце. Его супруга – также чужеземка в России, хотя, – прибавил несколько мягче иннок, – она исполняет предписания Церкви и чтит ее духовенство. Я не имею ничего общего с теми, кои никогда

не ступили бы на священную Русскую землю, если бы меня призвали в свое время подать совет государыне императрице.

Княгиня опустила пред отцом Филаретом на колени, взяла его руку и умоляюще, почти детски доверчиво посмотрела в его глаза.

– Вы чересчур суровы и строги, батюшка! – сказала она. – Но не этого требуют небеса, служителем которых вы состоите; небеса милостиво растворяются пред кающимся грешником, и ангелы Божии радуются, когда к ним снова возвращается заблудшая душа. Вы были правы. Великий князь согрешил, преступное равнодушие ожесточило его сердце, но можете ли вы оттолкнуть его теперь, когда он почувствовал свою правоту, понял у постели умирающей императрицы тщету всего земного и ту тяжелую ответственность, которую он вместе с короной должен будет возложить на свою голову?

Отец Филарет пожал плечами.

– Он еще не носит короны, – коротко сказал он.

– Жизнь государыни висит на волоске, – возразила Дашкова, благоговейно, как ласковое дитя, поглаживая рукой бороду монаха. – И если Господу будет угодно, то Петр Федорович будет императором. Подумайте о том, что будет, если вы теперь оттолкнете его, умоляющего вас о совете, если вы не протянете ему твердой руки, когда он со страстным порывом протягивает вам свою. Если вы в настоящую минуту внесете свет и утешение в сердце великого князя, то покорите себе его волю, когда он будет императором, так как Церковь и ее служители, ради блага всего народа, должны покорить волю великого князя. Тогда вы станете могущественным орудием Бога, принесете мир и благословение всему русскому народу, если вдохнете веру в душу великого князя и сделаете его послушным воле святой Церкви.

Отец Филарет слушал со все более и более возрастающим вниманием. Слова Дашковой звучали такой правдой и простотой, как трогательная просьба ребенка, и тем не менее они вызвали на глубокое размышление. Он закрыл глаза и задумчиво опустил на грудь свою могучую голову.

Княгиня еще ближе прижалась к его коленям, гладила своими нежными руками его бороду и через несколько мгновений, в течение которых он совершенно ушел в самого себя, склонившись к нему и касаясь своим горячим дыханием его лица, прошептала:

– О, исполните мою просьбу, батюшка!.. Пойдите к великому князю, который нетерпеливо и страстно ждет вас. В моем лице вас просит об этом весь русский народ... Да, во мне, вашей недостойной дочери, вас призывает к этому сама святая Церковь... Спасите же заблудшую, находящуюся в опасности душу!..

Отец Филарет медленно раскрыл глаза и посмотрел в наклонившееся близко к нему детски невинное и вместе с тем бесконечно соблазнительное личико Дашковой. Глаза монаха на одно мгновение вспыхнули огнем, глубокий вздох приподнял его широкую грудь, он взял в свои могучие руки прелестную головку молодой женщины и прижался губами к ее чистому, белому лбу. Затем он быстро поднялся с кресла, отстранил от себя Дашкову и тряхнул головой с целой гривой седых волос, как бы желая отогнать покрывавшее его чело облако.

– Вы, быть может, и правы, дочь моя, – сказал он, потупив взор, – я не могу оттолкнуть душу, которую еще можно спасти, я не могу оттолкнуть ее, когда она с мольбой стремится к небесам. Я пойду с вами и посмотрю, и если великий князь действительно даст мне доказательство того, что его сердце теперь открыто к восприятию веры и что он действительно хочет посвятить свою жизнь на служение Церкви, то ему не должно быть отказано в поддержке, утешении, любви и совете.

Лицо княгини осветилось радостью, ее глаза торжествующе вспыхнули, и на устах заиграла шаловливая, кокетливая улыбка. Но быстро, как бы сознавая эту улыбку и боясь ее, она нагнулась, взяла руку отца Филарета и почтительно поднесла ее к губам; затем, все еще

не выпуская его руки, она повела его через внутренние коридоры, мимо низко кланявшихся лакеев и отдававших честь часовых в комнаты великой княгини.

Петр Федорович тоже пришел в покои своей супруги, на нем была форма его русского кирасирского полка. На блестящем серебряном панцире выделялись голубая лента и звезды святого Андрея Первозванного и святого Александра Невского.

На великого князя произвела огромное впечатление наступающая решительная минута. Находясь под строгой опекой своей царственной тетки, он никогда не смел вмешиваться даже в дела, касающиеся его собственной судьбы. Теперь же он пришел к твердому решению – и все это воодушевляло его. Его фигура, раньше такая неуверенная и слегка сутуловатая, теперь выпрямилась и приобрела чисто княжескую осанку, а его прежде бегающий, беспокойный взгляд сверкал гордостью и сознанием собственного величия.

Негр великого князя Нарцисс, огромного роста, отлично сложенный нубиец в вышитой золотом белой одежде, с белым тюрбаном на голове, поставил на стол две бутылки старого бургундского вина и несколько кубков. Затем, по знаку своего господина, он удалился.

Граф Иван Иванович Шувалов стоял все еще у дверей рядом с Гудовичем, он имел мрачный, но видимо вполне равнодушный вид.

Великая княгиня быстро отбросила книгу и подошла к супругу. Она была в русском наряде, глаза сверкали мужеством и надеждой, прекрасное лицо разругалось. Она встала рядом с великим князем, одетым в блестящую кирасирскую форму, и в этот момент они представляли собою блестящую царственную пару, которая как бы была предназначена занять трон одного из самых больших в мире государств.

Отец Филарет, предшествуемый княгиней Дашковой, вошел в комнату и, казалось, был поражен видом великого князя и его супруги. Его все еще холодное и мрачное лицо просветлело, когда он увидел русскую форму на великом князе и национальный наряд на Екатерине Алексеевне.

Последняя, увлекая за собой и великого князя, пошла навстречу монаху и, низко и почтительно поклонившись, сказала:

– Благочестивый служитель Церкви всегда приносит с собою благословение Божие, а потому мы просим вас, досточтимый батюшка, о вашем благословении, в котором мы теперь нуждаемся более, чем когда-либо.

Отец Филарет привычным движением поднял свою широкую руку и сказал:

– Да будет над вами благословение Господне и да защитит вас своим покровом святая православная Церковь. Если вы, – помедлив минуту, продолжал он с явным недоверием, – всем сердцем верите в целительную силу святой Церкви.

– Мы ее верные, верующие и покорные дети, – сказала Екатерина Алексеевна, в то время как великий князь безмолвно поклонился, – и мы отдадим все наши силы на служение ей и на ее защиту. Возьмите это, досточтимый батюшка, – продолжала она, наполняя кубок темно-красным вином, – подкрепите свои силы этим напитком, прежде чем мы обратимся за советами и поучениями к вашему светлому уму.

Она протянула бокал отцу Филарету, затем передала другой великому князю и наконец до половины наполнила третий для себя самой.

Монах медленно взял кубок и сказал:

– Это чуждый напиток из еретической страны, – а затем, раздувающимися ноздрями вдыхая аромат вина, продолжил: – Но мать-земля – создание Божие, и ее дары предназначаются для того, чтобы радовать верующих детей... Виноградная лоза не виновата в том, что ее взрастили еретические руки.

Он высоко поднял бокал, поклонился великому князю и его супруге и стал медленно пить.

Великая княгиня снова быстро наполнила кубок отца Филарета – и тот еще раз осушил его до дна.

– Мы просим вас, – сказала ему великая княгиня, – оказать нам свою могущественную поддержку, для того чтобы мы в эти роковые минуты обладали силою достойно выполнить свой долг... А наш самый священный долг заключается в том, чтобы у нашей всемилостивейшей государыни, которая, быть может, будет скоро отозвана от земной жизни, испросить прощение за все огорчения, причиненные ей нами благодаря нашей слабости и легкомыслию. Мы должны испросить у нее прощения, чтобы ее душа не отошла к Богу, унося с собой вполне заслуженное недовольство нами. Мы будем просить ее благословение на ожидающий нас тяжелый путь, для того чтобы в будущем, после ее кончины, насколько будет в наших силах, заменить для русского народа ее материнскую любовь и заботы. Вы, служитель Церкви, должны отвести нас к императрице, вы должны быть выразителем наших чувств и наших просьб, вы должны говорить за нас для того, чтобы государыня простила нас и дала нам свое благословение, точно так же, как святая Церковь Божия дарует свое прощение и благословение даже недостойным, но раскаявшимся чадам.

Отец Филарет пристально и внимательно посмотрел на великую княгиню, и по его лицу можно было угадать, что он вполне понимает значение обращенной к нему просьбы и что для него было вполне ясно: то, что у него просили именем милосердия святой Церкви, должно было быть политическим актом огромного значения. Затем он посмотрел на великого князя, который до сих пор не проронил ни слова. Петр Федорович потупился под испытующим взглядом отца Филарета.

– Церковь дарует прощение и благословение, – сказал последний, – всем, кто приближается к ней с истинной, чистой верой, тем, кто от всего сердца поклянется всегда оставаться ей верным и послушно употребить свои силы на служение ей и на ее защиту.

Княгиня Дашкова, прижимая к себе руку монаха, воскликнула, обращаясь к нему:

– А разве вы сомневаетесь в том, что сердца тех, кто ближе всех стоит к государыне и кто предназначен занять после нее русский трон, не горят преданностью к святой матери-Церкви?

Одно мгновение отец Филарет смущенно смотрел в прекрасные, блестящие глаза княгини, но затем отодвинулся от нее, причем его черты сделались снова строгими и серьезными, и сказал:

– Будущий император имеет больше власти, чем все остальные, поэтому он должен особенно горячо и глубоко верить и отличаться полным смирением, если только он хочет пользоваться благословением и ходатайством Церкви. – Его взгляд оживился; казалось, все его мысли сделались яснее, и он пришел к какому-то твердому решению. – Вы просите меня о посредничестве, – горячо и громко сказал он, – и я исполню ваше желание, если вы только дадите мне доказательство такой веры и такой покорности. Именем Бога, служителем которого я состою, спрашиваю тебя, Петр Федорович: если с соизволения Господня твою голову украсит венец русских царей, то хочешь ли ты быть всегда верным и послушным сыном святой матери-Церкви, во всем помогать ей и защищать ее права и имущество? Обещаешь ли ты, – продолжал он, повысив голос, – не вводить на Святой Руси никакой еретической веры, не помогать никакому ложному учению, а всегда охранять святую Церковь? Если ты этого хочешь, то поклянись на этом вот святом кресте!..

Он протянул великому князю требник с серебряным крестом.

Петр несколько секунд высокомерно смотрел на отца Филарета, его глаза горели, казалось, вся гордость возмущалась против того насилия, которое монах творил над его волей.

Но Екатерина быстро положила кончики своих пальцев на крест, находившийся на требнике, и воскликнула: – Мы этого хотим... мы клянемся в этом!.. И вы, батюшка, помолитесь за нас Богу, чтобы Он дал нам сил никогда не изменить нашей клятве.

Казалось, что Петр все еще колебался. Наконец его взор упал на Ивана Ивановича Шувалова, который торжествующе и насмешливо смотрел на него. Тогда великий князь тоже быстро положил свою руку на крест и, грозно глядя на графа, сказал:

– Я хочу этого и клянусь в этом!

– Именем святой Церкви принимаю ваши клятвы, – сказал отец Филарет. – Но знайте, – продолжал он, повышая голос, – этот крест, символ спасения, обратится для вас в пылающий меч, если только вы измените своей клятве. И этот карающий меч падет на ваши головы так, как он пал на главу Адама, в наказание за его грех, тяжесть которого несет на себе все человечество.

Несколько мгновений в комнате царила глубокая тишина. Отец Филарет задумчиво опустил на грудь свою голову, а затем заговорил тихим, глухим голосом:

– Тот, кто просит у святой Церкви любви и защиты, должен сам любить и защищать людей, своих братьев пред Богом, в которых течет такая же кровь. В темнице в Шлиссельбурге живет узник, – продолжал он, в то время как Петр побледнел, а Екатерина отвела глаза, – в его жилах течет кровь царя Ивана, над его колыбелью сверкала русская императорская корона, его происхождение дает ему на нее такие же права, как и тебе, Петр Федорович... Но Господь не захотел, чтобы он был царем, Господь допустил, чтобы у него отняли корону, но Господь не хочет того, чтобы он, этот невинный отпрыск славных, великих царей Святой Руси, жил в темнице и умирал и телесно, и духовно. Именем Великого, Милосердного Бога, именем святой матери-Церкви спрашиваю я тебя, Петр Федорович: если тебе Господь передаст корону русских царей, то обещаешь ли ты не забывать, что тот бедный заключенный есть плоть от твоей плоти и кровь от твоей крови? Хочешь ли ты облегчить его страдания и устроить его судьбу сообразно его имени и его происхождению?

– Я этого хочу! – быстро воскликнул Петр полным, громким голосом и положил руку на крест.

На этот раз Екатерина одно мгновение колебалась, но затем и она положила руку рядом с рукой своего мужа; ее губы шевелились, но нельзя было расслышать ни одного слова.

– Ну, теперь, – сказал отец Филарет, – когда вы принесли свои клятвы, я хочу исполнить вашу просьбу и постараюсь смягчить сердце государыни для того, чтобы она вас простила и дала вам свое благословение.

Он повернулся, бросил еще один взгляд на княгиню Дашкову, как бы желая прочесть в ее глазах благодарность за свой поступок, и вышел, чтобы сейчас же направиться к императрице, в комнаты которой стража не осмелилась бы не пропустить его, несмотря на приказание врача.

Все общество осталось в тревожном, томительном ожидании. Никто не говорил ни слова. Граф Иван Иванович все более и более ожесточался в душе; он чувствовал, что он уже не был более господином положения и что ему не оставалось ничего иного, как покориться своей участи.

Петр беспокойно, изредка разговаривая сам с собою, ходил взад и вперед по комнате. Княгиня Дашкова села у ног великой княгини; время от времени она целовала ее руку и смотрела на нее с выражением глубокой любви.

Императрица лежала в постели смертельно бледная, с впавшими щеками и безжизненными, иногда только лихорадочно вспыхивавшими глазами... Доктор Бургав держал ее руку, глядя на часы, наблюдал ее пульс и время от времени давал ей проглотить несколько капель приготовленного им самим лекарства. Он невольно приподнялся, когда в слабо освещенную комнату вошел монах, а затем сделал ему знак, чтобы тот вышел вон. Однако отец Филарет не обратил никакого внимания на приказание врача, медленно подошел к постели, простер руки над императрицей и прочитал краткую молитву.

– Идите вон! – в страшном раздражении воскликнул врач. – Вы подвергаете опасности жизнь ее величества.

Монах с непоколебимым спокойствием ответил:

– Ваше дело заботиться о земной жизни тела, я же – врач бессмертной души, исцеление и здоровье которой гораздо важнее здоровья тела... Не правда ли, великая государыня, – сказал он, обращаясь к императрице, – не правда ли, благочестивая дочь Церкви, что спасение души важнее спасения тела, которое когда-нибудь да должно разрушиться и которое Господь может спасти и без земной несовершенной науки?

Государыня кивнула головой и перекрестилась.

– Ну, в таком случае Бог должен сделать чудо, – сердито проговорил доктор, – моя наука уже истощила все средства.

Он удалился в оконную нишу, бросился в кресло и все время что-то бормотал, давая выход своему гневу.

Монах же начал говорить с императрицей о спасении души и наконец стал разъяснять, что пред лицом каждую минуту могущей застигнуть ее смерти она должна исполнить свой земной долг, изгнать из своего сердца всякую злобу и подумать о тех, кто стоит ближе всего к ней, и даровать им свое прощение и благословение.

Императрица приподнялась и запротестовала против требования своего духовника. Несмотря на слабость, она поняла все значение того, что будет, если она теперь простит великого князя. Она поняла, что этим она в глазах всего народа подтвердит его права на престол и тем самым навсегда уничтожит план о лишении его наследства. Но отец Филарет говорил так строго и определенно, а предчувствие близкой смерти заставляло его слова действовать на ее душу с особой силой, так что она наконец дала ему позволение привести с собою великого князя. Затем она приказала своей камеристке призвать к ней всех находившихся в тот момент во дворце сановников.

– Она умрет, – сказал доктор гордо шедшему ему навстречу монаху.

Но отец Филарет возразил ему.

– Но если она умрет, исполнив свой священный долг, то ее душа подымется на небо и Господь даст ей силы освободиться от всех земных обязанностей.

Он вернулся в комнату великой княгини и сказал присутствовавшим, что готов сейчас же отвести их к государыне.

Княгиня Дашкова вскрикнула от радости и вне себя от восторга обвила руками шею отца Филарета и подставила ему для поцелуя свою щечку.

– Федор Васильевич! Принесите сюда скорее великого князя Павла! – приказала великая княгиня адъютанту своего супруга.

Тотчас же Петр Федорович обернулся с почти насмешливой миной к графу Шувалову и сказал:

– Судьба очень благосклонна к вам, граф Иван Иванович, так как дает вам возможность и в эти знаменательные минуты исполнить долг службы... Идите вперед и проведите нас к ее императорскому величеству.

Граф решил покориться неизбежному и спасти будущее, если настоящее было потеряно для него. При этом он сказал:

– Никогда я не исполнял с такою гордостью обязанностей своей службы, как теперь: ведь сегодня я иду впереди счастливой будущности России.

Княгиня Дашкова еще раз поцеловала руку Екатерины Алексеевны и прошептала ей:

– Все спасено, будущее принадлежит вам, ваше императорское высочество!..

– А благодарность моего сердца принадлежит моему другу! – тихо ответила Екатерина.

Затем маленькое общество двинулось к своей цели. Впереди шел отец Филарет, за ним граф Иван Иванович Шувалов, торжественно. Великий князь подал руку супруге, на его лице была еще видна прежняя решимость, но губы начали все более и более подергиваться, по мере

того как он приближался к комнате императрицы, которая в течение долгих лет внушала ему страх и заставляла чувствовать зависимость.

Екатерина Алексеевна потупила свои взоры; она казалась олицетворением скромности и вместе с тем глубокого горя. Она не могла бы выказать больше горе и отчаяние, если бы даже была родной дочерью императрицы.

Майор Гудович шел за великокняжеской четой, он, казалось, решил не отступать в эти критические минуты ни на один шаг от своего повелителя. Дашкова послала горничную великой княгини в свой дом, приказав тотчас принести ей другое платье и сказать мужу, что она чувствует себя хорошо и в настоящую минуту нужна великой княгине. Затем она наскоро набросила свою шубку и, подавляя в себе приступ лихорадки, заставлявшей задрожать ее нежный организм, поспешила по длинным коридорам за великой княгиней. Известие, что комнаты императрицы открыты и что великий князь получает последнее благословение ее императорского величества, облетело дворец. Все лихорадочно спешили в покои государыни, чтобы присутствовать при этом знаменательном акте и выразить свое внимание будущему императору, о возможности устранения которого с престола теперь никто и не думал.

Графы Алексей и Кирилл Григорьевичи Разумовские, фельдцейхмейстер³¹ граф Петр Иванович Шувалов³² и его брат, начальник Тайной канцелярии, граф Александр Иванович, а также все камергеры и придворные дамы по приказанию императрицы приблизились к ее постели. Благодаря неутомимой деятельности княгини Дашковой и передние комнаты все более и более наполнялись – все стремились к раскрытым дверям спальни императрицы; даже дежурившие в коридоре гвардейцы придвинулись настолько близко, насколько это им было позволено.

Все притаив дыхание ждали важного для государства события. Скоро в комнату, находившуюся пред опочивальней государыни, вошел Никита Иванович Панин со своим воспитанником, великим князем Павлом Петровичем; мальчик беспокойно и испуганно посматривал на множество народа, к виду которого он совсем не привык. Тогда раскрылись двери в великокняжеские покои, и на пороге, предшествуемые духовником ее императорского величества и обер-камергером, появились Петр и Екатерина.

Петр Федорович шел потупив взор. Его страх и смущение все возрастали по мере приближения к императрице. Екатерина Алексеевна держала у глаз носовой платок и, казалось, тихо плакала. Весь двор замер, дожидаясь знака, как следует себя держать; все лица были закрыты платками, и отовсюду слышались подавленные рыдания.

Панин подвел юного великого князя к родителям. Екатерина Алексеевна взяла ребенка на руки, и вся семья, на которой покоилась будущность России, направилась в спальню императрицы.

В головах постели государыни стояла камеристка, она подвела руки под плечи Елизаветы Петровны и слегка приподняла ее.

Великая княгиня, пораженная горем, упала на колени пред постелью императрицы, Петр Федорович последовал ее примеру, а маленький великий князь, стоя около, начал плакать, так как видел, что кругом все плачут, а бабушка, около которой он рос и которая всегда баловала его, лежит ужасающе бледная и неподвижная на руках своей плачущей камеристки.

³¹ **Фельдцейхмейстер** – фельдмаршал, командовавший в России артиллерией, главный чин в русской армии, в его функции входило и устройство фейерверков.

³² **Шувалов** Петр Иванович (1710–1762) – граф, брат А. И. Шувалова, генерал-фельдмаршал (1761), участник дворцового переворота в пользу Елизаветы Петровны. Фактический руководитель правительства при ней. Будучи генерал-фельдцейхмейстером, уделял большое внимание развитию артиллерии, усовершенствовал пушку, его образец был на вооружении до середины XIX в.

Среди царившей вокруг мертвой тишины даже в коридоре было слышно каждое слово, произнесенное в спальне. Прерываемый рыданиями, раздался голос великой княгини, которая промолвила:

– Мой супруг и я, к нашему великому горю, не раз давали вам, ваше императорское величество, повод к неудовольствию, и теперь мы просим вас простить нам все это и молим Бога, чтобы Он исцелил вас и сохранил вашу жизнь еще на многие годы, чтобы мы любовью и послушанием могли загладить наши вины и заслужить расположение вашего императорского величества.

– Да, – беззвучным голосом сказал великий князь, который весь дрожал, – мы молим Бога о сохранении драгоценной жизни нашей великой, всемилостивейшей тетки.

Сказав это, он снова опустился на колени.

Маленький великий князь, по знаку Панина, последовал примеру своих родителей.

Императрица взглянула на коленопреклоненную группу. Суровое выражение ее лица сделалось мягким и растроганным; она нагнулась к ребенку, погладила его щечку своей трепещущей рукой и, с трудом произнося слова, сказала:

– Благодарю вас, дети мои, за участие! Если я поправлюсь, вы найдете во мне любящего, как мать, друга, который охотно забудет все прошлое... Но я думаю, что настал конец моей жизни и Господь призывает меня к себе... Примите мое благословение, и да охранит оно вас. Господь услышит молитву умирающей... Он даст вам, мой племянник, силы вести к славе и счастью русский народ, который я любила всем своим сердцем и которому принадлежит мое последнее дыхание. Да поможет вам Бог исполнить все, что мною было начато и еще не исполнено для блага моих подданных и для величия моей родной земли.

С большим трудом, при помощи своей камеристки Елизавета Петровна положила руку на голову племянника, но затем силы оставили ее... Она глубоко вздохнула и упала на подушки.

– Ну, однако, довольно! – быстро воскликнул доктор Бургав, приближаясь к постели императрицы. – Ваши императорские высочества! Теперь я прошу вас и всех остальных, присутствующих здесь, удалиться и дать ее императорскому величеству покой, в котором она крайне нуждается.

Великий князь поднялся с коленей и подал руку супруге. Екатерина еще раз склонилась над рукой императрицы, снова прижала платок к лицу и прошла рядом с супругом в свои покои. Петр сиял, проходя мимо низко кланявшихся придворных.

Панин увел великого князя, и все присутствующие, по знаку доктора, вышли из комнаты императрицы.

– Как возможно было допустить все это! – сказал граф Александр Шувалов своему двоюродному брату, Ивану Ивановичу Шувалову, когда оба они переступили через порог комнаты.

– Этого нельзя было предупредить, – сумрачно ответил тот. – Великая княгиня умнее всех; мы все должны теперь держаться за нее, иначе мы погибли.

Отец Филарет, несмотря на знаки доктора, приказывавшего ему удалиться, подошел к постели императрицы. Она обратила на него свой безжизненный взгляд и тихо спросила:

– Довольны ли вы, батюшка? Будет ли доволен мною Господь?

Священник, перекрестив императрицу, ответил:

– Господь милостиво примет в свои селения душу вашего императорского величества, если даже корона упадет с вашей смертной головы.

– Господь будет справедлив, – тихо прошептала Елизавета, – если он это сделает: ведь все земные желания я принесла в жертву небесному долгу.

Доктор отстранил отца Филарета, который, опустив руки и склонив голову на грудь, вышел из комнаты. Затем врач дал несколько капель своего лекарства императрице, которая тихо проговорила несколько слов в забыты.

Великий князь, простившись с супругой, ушел в свои комнаты и сейчас же отправил Гудовича за Паниным.

Переодевшаяся тем временем княгиня Дашкова чуть ли не нетерпеливо отстранила обвинявшую ее великую княгиню и сказала:

– Главное дело сделано, но это далеко не все. Вы победили императрицу, теперь необходимо покорить сердце всего народа.

– Народа? – спросила Екатерина. – Каким образом возможно это сделать? Ведь мы не можем же позвать весь народ.

– Но мы можем пойти к нему, – ответила Дашкова. – Умоляю вас, ваше императорское высочество, довериться моему руководительству! Дозвольте теперь мне за вас думать и поступать! Накиньте этот черный плащ и эту вуаль, здесь все уже приготовлено, и поезжайте со мной! Сани только с одним кучером без ливреи уже ждут нас... Все церкви теперь открыты для того, чтобы народ мог молиться о здравии государыни. Мы тоже помолимся пред алтарем Господа о блестящей, светлой будущности.

Улыбка согласия промелькнула по лицу великой княгини. Она закуталась в плащ, накинула на голову вуаль и под руку со своей неутомимой приятельницей направилась к одному из боковых выходов дворца. У крыльца ждали простые сани, запряженные великолепным рысаком, которым управлял кучер в темном кафтане. Великая княгиня и Дашкова сели и помчались по льду через Неву в Петропавловский собор.

VII

С необычайной быстротой распространилось передаваемое из уст в уста известие о безнадёжной болезни императрицы. Смутное беспокойство перешло в страх, и все, начиная от высших сановников до самого незначительного горожанина, с дрожью и трепетом ожидали близкого будущего. Еще на памяти были времена, когда перемены царствующих на престолах являлись в полном смысле слова государственными переворотами и сопровождались поистине революционными актами, во время которых страдали очень многие. И на этот раз народ боялся какой-нибудь неожиданности, которая нарушила бы правильность жизни и спокойствие каждого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.